
СССР И АНТИГИТЛЕРОВСКАЯ КОАЛИЦИЯ

Вместе с союзниками против агрессоров

Возникновение в XX в. оборонительных коалиций, противостоящих агрессивной политике Германии, относится к началу века. В 1904—1907 гг. Англия, Франция и Россия оформили военно-политический союз (Антанту). В ходе Первой мировой войны этот союз объединил против германской коалиции более 20 государств (среди них США, Италия, Япония) и силой принудил агрессоров к капитуляции. В 1939 г. была создана потерпевшая скоротечное поражение коалиция Англии, Франции и Польши.

Антигитлеровская коалиция (по англо-американской терминологии Grand Alliance) — уникальное явление в мировой истории. В борьбе за свободу и независимость против агрессии нацистской Германии и ее союзников, развязавших Вторую мировую войну, объединились и одержали победу 50 государств с различными социальными системами и положением в мире, сотни миллионов людей многих стран. Ядром коалиции, главной ее силой явились СССР, Великобритания и США. Важная роль в коалиции принадлежала Китаю, Франции, а также Индии, Канаде, в то время британским колониальным владениям, Бразилии и ряду других стран.

Важнейшими событиями на пути становления антигитлеровской коалиции явились решения правительств Великобритании и США о поддержке СССР в войне с Германией; заключение англо-советского соглашения 12 июля 1941 г.; Декларация 26 государств, англо-советский договор и американско-советское соглашение 1942 г. Большое значение в становлении англо-американского союза и коалиции в целом имела Атлантическая хартия, подписанная Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем 14 августа 1941 г. Как только 22 июня 1941 г. премьер-министру Великобритании У. Черчиллю стало известно о нападении Германии на СССР, он вызвал к себе в загородную резиденцию Чекере своих наиболее приближенных членов кабинета: министра иностранных дел А. Идена, министра снабжения лорда У. Бивербрука, начальника генерального штаба фельдмаршала Д. Дилла и находившегося в Англии посла Великобритании в СССР С. Криппса — и совместно с ними обсудил создавшуюся ситуацию. На совещании было принято решение выступить с заявлением о поддержке СССР в войне против Германии. В ходе подготовки этого документа обнаружили расхождения в оценке способности СССР к сопротивлению, и только за 20 минут до начала выступления премьер-министра по радио текст заявления был окончательно утвержден¹. В заявлении У. Черчилля вечером 22 июня подчеркивалось, что, оставаясь непримиримым противником коммунизма, британское правительство рассматривает нападение гитлеровской Германии на Советский Союз как прелюдию попытки вторжения на Британские острова. «Поэтому опасность, угрожающая России, — заявил он в своем выступлении, — это опасность, грозящая нам и Со-

единенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара»². Посол СССР в Лондоне И. М. Майский сообщил в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США... Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможностей англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займет благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой такая позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом»³.

Первое официальное заявление правительства США последовало 23 июня 1941 г. В заявлении госдепартамента констатировалось, что СССР находится в состоянии войны с Германией, и «всякая оборона против гитлеризма, всякое объединение с силами, противостоящими гитлеризму, какой бы характер эти силы не носили, будут способствовать возможному свержению нынешних германских лидеров и будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности. Гитлеровские армии являются в настоящее время главной угрозой Американского материка»⁴. 24 июня 1941 г., выступая на пресс-конференции, президент США Ф. Рузвельт заявил: «Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую сможем»⁵. 27 июня 1941 г. посол СССР в США К. А. Уманский посетил исполняющего обязанности госсекретаря США С. Уэллеса и официально уведомил правительство США о гитлеровской агрессии против Советского Союза. В ответ на это С. Уэллес заявил, что все факты, вытекающие из этого, «будут рассматриваться правительством США немедленно и в дружественном духе»⁶.

3 июля И. В. Сталин в обращении к советскому народу выразил уверенность в том, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы». В обращении были отмечены «историческое выступление» британского премьер-министра и декларация правительства США, «которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза»⁷.

Несколькими днями раньше в палате общин английского парламента был поставлен вопрос о германском вторжении в Россию. С заявлением от имени правительства выступил А. Иден. Он информировал парламентариев о первых шагах, предпринятых для установления непосредственных контактов между Лондоном и Москвой. Выступавшие в прениях члены парламента поддержали позицию правительства и высказались за союз с СССР. На этот раз правительство действовало энергично и последовательно. Уже 27 июня в Москву прибыли члены английской военной и экономической миссий. В английскую военную миссию входили генерал-лейтенант М. Макфарлан, контр-адмирал Д. Майлс, вице-маршал авиации А. Кольер. Экономическую миссию возглавлял Л. Кадбэри. Вместе с ними возвратился в Москву английский посол С. Криппс. Немногим более чем через неделю в Англию и США направилась советская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба РККА, начальником Главного разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым. Переговоры происходили в обстановке взаимного понимания и сотрудничества.

События Второй мировой войны ускорили и процесс англо-американского сближения. Немаловажное значение имели встреча Ф. Рузвельта и У. Черчилля у берегов Ньюфаундленда и подписание 14 августа 1941 г. двумя лидерами упоминавшейся Атлантической хартии, в которой провозглашались некоторые общие принципы политики и «особые отношения» двух стран. Правительства Великобритании и США заявили об отказе от захвата чужих территорий, признавали право народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить, готовность содействовать восстановлению суверенных прав тех народов, которые были его лишены насильственным путем, призывали к послевоенному сотрудничеству государств, отказу от применения силы в международных отношениях и гонки вооружений. В послании главе советского правительства Ф. Рузвельт и У. Черчилль сообщали о своей готовности ока-

зывать помощь Советскому Союзу «максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь»⁸.

На межсоюзнической конференции в Лондоне, которая явилась важным шагом на пути формирования антигитлеровской коалиции, советское правительство 24 сентября 1941 г. в специальной декларации выразило свое согласие с основными принципами Атлантической хартии и выразило уверенность, что в результате победы над гитлеризмом будут заложены основы отношений сотрудничества и дружбы между народами. Вновь была выдвинута идея коллективной безопасности как условия длительного и прочного мира, которую Советский Союз отстаивал в годы, предшествовавшие началу Второй мировой войны. В декларации также отмечалось, что практическое применение принципов Атлантической хартии «должно будет соотносываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны»⁹.

12 июля 1941 г. было заключено англо-советское Соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Это соглашение явилось первым важным шагом в создании антигитлеровской коалиции. Стороны, подписавшие соглашение, обязывались оказывать друг другу помощь в войне против гитлеровской Германии и заявили, что «в продолжение этой войны они не будут ни вести переговоров, ни заключать перемирия или мирного договора, кроме как с обоюдного согласия»¹⁰. Соглашение, которое широко приветствовалось в Англии и Советском Союзе, имело большое международное значение. Выступая на пресс-конференции иностранных корреспондентов, заместитель начальника Совинформбюро С. А. Лозовский назвал упомянутое соглашение документом большого исторического значения, «в корне меняющим международную обстановку». С. А. Лозовский отметил, что в противовес хвастливым декларациям гитлеровцев о том, что они создадут коалицию европейских стран в своем походе против СССР, соглашение создавало действительную коалицию великих держав в борьбе против общего врага. «Соглашение от 12 июля... — заявил он, — это не только документ братства по оружию в борьбе за свободу и независимость народов СССР, Великобритании и всей Европы, но это также документ, свидетельствующий о неизбежности полного и окончательного разгрома германского фашизма, мечтающего о господстве над Европой и над всем миром»¹¹.

16 августа 1941 г. состоялось подписание англо-советского соглашения о товарообороте, кредите и клиринге. Это соглашение предусматривало поставки английских товаров в СССР и некоторых советских товаров в Англию. По соглашению Англия для оплаты товаров предоставляла Советскому Союзу кредит в сумме 10 млн фунтов стерлингов под 3% годовых сроком в среднем на пять лет. Платежи между сторонами регулировались на основе клиринга. В дальнейшем предусматривались переговоры об увеличении суммы английского кредита¹².

Весомым фактором в создании англо-советского союза явилась позиция английской общественности. «Еще накануне германского наступления, — отмечают известные британские историки Д. Эриксон и Д. Дилкс, — Форин-офис, с запозданием признав масштабы военной угрозы Советскому Союзу, был вынужден рассматривать вероятность совместной борьбы и «неприятную реальность» нарастающей огромной симпатии к русским»¹³. С первых дней нападения Германии на СССР по всей Англии начались митинги в поддержку освободительной борьбы советского народа. Большинство населения, часть которого не скрывала своего неприятия советского режима, настроилось на создание широкой коалиции государств для противостояния агрессорам, приветствовало объединение с Советами во имя победы над нацистской Германией. В поддержку Советского Союза выступил профсоюз шотландских горняков, а затем конгресс британских тред-юнионов и лейбористская партия, опубликовавшие 1 августа 1941 г. специальное заявление относительно англо-советского сотрудничества. В нем, в частности, говорилось: «Конгресс тред-юнионов и лейбористская партия настоящим выражают свою высокую оценку усилий Советского Союза в общей борьбе против гитлеризма. Они приветствуют широкий характер сотрудничества, которое развивается между Великобританией и СССР»¹⁴.

Во всей Англии не было почти ни одного крупного населенного пункта, в котором не было бы создано местное Общество англо-советской дружбы. Инициированная лордом У. Бивербруком «неделя танков для России» (22–28 сентября 1941 г.) ознаменовалась высокой активностью рабочего класса, который «стал оказывать на политическую систему влияние, гораздо более соответствовавшее его численности»¹⁵. Большой популярностью пользовались так называемые недели дружбы с СССР, основной задачей которых являлось ознакомление английской общественности с жизнью советского народа.

Вместе с тем свое влияние на политику правительства оказывали и антисоветски настроенные деятели в Англии. Именно среди них было большинство скептиков, уверенных в том, что Советский Союз в войне с Германией долго не продержится. Английские начальники штабов высчитывали, насколько советское сопротивление задержит высадку вермахта на Британские острова, и пришли к выводу: «Не более чем на восемь недель»¹⁶. Но были и те, кто не разделял сомнений в способности Советского Союза к сопротивлению. К ним в первую очередь относились лорд У. Бивербрук, Х. Дальтон, Э. Бивен и некоторые другие влиятельные политики страны.

Выражая настроение недругов СССР в Англии, отдельные деятели, например министр авиационной промышленности Д. Мур-Брабазон и другие, а также прочемберленские органы печати выступали с открыто враждебными статьями по отношению к Советскому Союзу. Газета «Католик геральд» призывала англичан отказаться от какого бы то ни было сотрудничества с СССР. О наличии антисоветских тенденций свидетельствует и такой факт. С начала Второй мировой войны в Англии установилась традиция еженедельно передавать по радио гимны всех ее союзников. Однако, несмотря на то что Советский Союз являлся союзником, Британская радиовещательная корпорация «Би-би-си» в нарушение существующей традиции отказалась передавать гимн СССР (в то время это был «Интернационал»), что вызвало острую дискуссию в английском парламенте. 9 июля 1941 г. член парламента С. Сильвермен запросил министра информации о причинах такой дискриминации. Возгласами неодобрения встретила палата общин заявление представителя правительства о том, что причиной позиции министерства информации являлось то обстоятельство, что «Интернационал» не был якобы советским национальным гимном в собственном смысле этого слова и поэтому его неудобно было передавать. Через несколько дней после этих дебатов «Би-би-си» включила в свои передачи вместо советского гимна песню «Широка страна моя родная», но в итоге исключила весь цикл такого рода передач. Подобные эпизоды встречали отпор большинства английской общественности и вынуждали противников сотрудничества с Советским Союзом уходить за кулисы политической жизни Англии¹⁷.

В конце августа 1941 г. по согласованию между правительствами Великобритании и СССР советские и британские войска были введены в Иран и в начале сентября вступили в Тегеран, предотвратив вовлечение страны в войну на стороне Германии. 8 сентября того же года в Тегеране было подписано соглашение, положившее начало англо-советско-иранскому сотрудничеству в годы войны. Иранское правительство обязалось не допускать каких-либо действий в ущерб борьбе СССР и Великобритании с гитлеровской Германией, содействовать транспортировке через иранскую территорию военных грузов союзников, что имело в последующем большое значение для поставок в СССР по программе ленд-лиза. СССР и Великобритания, со своей стороны, решили оказывать Ирану экономическую помощь. В октябре СССР и Великобритания совместно потребовали от правительства Афганистана прекратить прогерманскую деятельность различных группировок на своей территории. В ответ созданный 5 ноября королем З. Шахом высший законодательный орган страны — Большая джирга — одобрил политику строгого нейтралитета. Аналогичный демарш, принятый ранее Великобританией и СССР по отношению к Турции, также дал возможность нейтрализовать или, по крайней мере, ослабить германское влияние в этой стране дипломатическими средствами. Все это были важные и эффективные решения, соответствующие стратегическим интересам двух стран¹⁸.

Реакция в США на нападение Германии на СССР была неоднозначной, более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке социалистической России в борьбе против нацистской агрессии. Г. Трумэн, в то время сенатор от штата Миссури, за день до выступления Ф. Рузвельта призвал правительство следовать иному политическому курсу: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»¹⁹. Подавляющее большинство политических и военных руководителей США сходились на том, что советские вооруженные силы не сумеют оказать длительного сопротивления гитлеровским полчищам. Так, при определении американской политики в отношении СССР военный министр США Г. Стимсон в своем меморандуме от 23 июня 1941 г. советовал президенту Рузвельту исходить из следующих предпосылок: «1. Действия Германии сильно напоминают ниспосланные свыше события; 2. Минимум за месяц, а максимум за три немцы полностью уничтожат Советский Союз; 3. Это время следует активно использовать для форсирования действий в Атлантике»²⁰. Однако большинство государственных деятелей США отклонили позицию этой части истеблишмента. Их аргументы были реалистичны и убедительны: поражение СССР означает прямую угрозу не только мировым позициям США, но и самой независимости страны. Высокую оценку силам СССР давали бывший посол США в СССР Дж. Дэвис, американский атташе в Москве Ф. Фэймонвил, но главное — Г. Гопкинс и Ф. Рузвельт.

В конце июня советское правительство через своего посла в Вашингтоне представило правительству США список поставок, в которых нуждался Советский Союз. Одновременно был сделан запрос о предоставлении Советскому Союзу кредита сроком на пять лет. Со своей стороны, правительство США предложило осуществлять советские поставки сырья в обмен на американские поставки. Первоначально американские поставки в СССР были невелики и проводились за наличный расчет в соответствии с продленным американско-советским торговым соглашением 1937 г. После поездки личного представителя президента США и главы администрации по ленд-лизу Г. Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г. и трехсторонней конференции в Москве (28 сентября — 1 октября 1941 г.) США из средств, ассигнованных по ленд-лизу, предоставили Советскому Союзу беспроцентный заем на сумму 1 млрд долларов, что явилось исключительно важным решением в политике поддержки СССР и процессе становления антигитлеровской коалиции. И хотя ко времени битвы под Москвой, во многом определившей дальнейший ход войны, поставки союзников еще не могли оказать заметного влияния на ход вооруженной борьбы, их политическое и моральное значение было очевидным.

Вступление США во Вторую мировую войну, объявление Германией и Италией войны Соединенным Штатам превратили сотрудничество СССР и США в фактор первостепенного военно-политического значения.

В феврале 1942 г. Ф. Рузвельт принял решение о предоставлении СССР второго кредита в размере 1 млрд долларов на прежних условиях (начало выплаты беспроцентного займа предусматривалось через пять лет после окончания войны, погашение кредита — в течение 10 лет). Была создана советская правительственная закупочная комиссия в США, по предложению Соединенных Штатов достигнута договоренность об установлении прямой радиотелефонной связи между Москвой и Вашингтоном. Сотрудничество развивалось по многим направлениям, но договора или соглашения, подобно советско-английскому, заключенному год назад, не было. Между тем возникли разногласия. Они были вызваны хотя и дипломатичным, но отказом СССР денонсировать пакт о нейтралитете с Японией и предоставить американским ВВС базы на советском Дальнем Востоке. Такое развитие событий могло усугубить и без того существовавшую угрозу японской агрессии против СССР в то время, как главные силы Красной армии вели тяжелейшую борьбу против вермахта на Западном фронте, исход которой был далеко не ясен. Осложнения в отношениях вызывало и нару-

шение согласованных сроков поставок в СССР по ленд-лизу. Но эти и другие разногласия во многом преодолевались взаимными поисками решений, направленных на объединение усилий в борьбе против общего врага.

Советская дипломатия вела успешную борьбу за привлечение к антигитлеровской коалиции всех сил, заинтересованных в борьбе против фашистской тирании. В начале июля 1941 г. советское правительство заявило о своей готовности нормализовать отношения с Польшей, Чехословакией, Югославией и оказывать народам этих стран всестороннюю помощь в борьбе против фашизма. На пути нормализации этих отношений возникали немалые трудности. 23 июня 1941 г., выступая с заявлением в связи с нападением Германии на СССР, глава польского эмигрантского правительства в Лондоне генерал В. Сикорский подчеркнул нежелание правительства Польши считаться с решением вопроса о Западной Украине и Западной Белоруссии и потребовал восстановления довоенных границ Польши. Такая позиция В. Сикорского, разумеется, не способствовала переговорам, которые начались 5 июля 1941 г. в Лондоне и велись при посредничестве британского правительства.

30 июля 1941 г. было подписано соглашение между СССР и Польшей. Соглашение восстанавливало дипломатические отношения между двумя странами, содержало обязательства взаимной помощи, а также согласие советского правительства на создание на территории СССР польской армии для ведения боевых действий совместно с Красной армией. Предусматривалось, что командующий польской армией, создаваемой в СССР, будет назначен польским правительством, в то время как на фронте эта армия будет действовать в оперативном подчинении советского командования. К соглашению был приложен протокол, в котором говорилось о том, что советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, которые содержались «в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных основаниях»²¹. Таким образом, несмотря на очевидные расхождения между советским правительством и польской эмиграцией в Лондоне по вопросу о границах Польши, компромисс, правда весьма кратковременный, тем не менее был найден.

Некоторые деятели польской эмиграции демонстративно выступили против советско-польского соглашения. К ним относились командующий польскими военными формированиями в Англии генерал К. Соснковский, министр иностранных дел А. Залесский и их единомышленники, которые в знак протеста против советско-польского соглашения в июле 1941 г. вышли из состава правительства. В. Сикорский же и поддерживавшие его министры стремились советско-польским соглашением укрепить международный авторитет эмигрантского правительства. Вопрос о границах, по мнению советского и английского правительств, с которым вынужденно согласились лондонские поляки, следовало разрешить после войны.

И советское, и английское правительства были заинтересованы в укреплении и расширении антигитлеровской коалиции, вовлечении новых участников в войну против Германии. Излагая позицию англичан во время советско-польских переговоров, У. Черчилль писал в своих мемуарах: «...в разгар битвы, в этот важный момент войны, все должно быть посвящено задаче увеличения общих военных усилий»²².

Несколько иное развитие получили отношения с Чехословакией. Вскоре после начала Великой Отечественной войны советское правительство довело до сведения Э. Бенеша, в то время президента Чехословакии, следующее: а) политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством; б) само собой разумеется, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам; в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, советское правительство с радостью его примет; г) советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России. В таком случае оно считает, что, по-видимому, можно было бы организовать специальный национальный чехословацкий комитет, который помогал бы в организации армии. Единственным условием является то, что в оперативных и военно-технических вопросах эта

часть находилась бы под русским Верховным командованием. В остальном командование и офицеры были бы чехословацкие»²³.

16 июля 1941 г. посол СССР в Лондоне И. М. Майский передал Э. Бенешу советский проект соглашения, и 18 июля соглашение между СССР и Чехословакией о взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии было подписано. Соглашение предусматривало восстановление дипломатических отношений и взаимную помощь в войне против фашистской Германии, а также согласие советского правительства на формирование национальных чехословацких частей на территории СССР. Советско-чехословацкое соглашение имело большое значение для укрепления международных позиций чехословацкого государства. Об этом говорил и Э. Бенеш. «Мы вернулись в своих взаимоотношениях между обоими нашими государствами, к домюнхенскому положению, — писал он в своих воспоминаниях. — Советский Союз, который с самого начала так решительно выступал против Мюнхена и с такой же решительностью выступал и против событий 15 марта 1939 г., в эту решительную минуту нанес смертельный удар Мюнхену и всем его последствиям, так как вполне и решительно, без всяких ограничений и условий, снова признал республику в ее домюнхенском статусе»²⁴. Таким образом, между двумя государствами были установлены союзнические отношения.

Признание Англией чехословацкого правительства произошло 18 июля, спустя несколько часов после подписания советско-чехословацкого соглашения²⁵. Сам факт признания правительства Чехословакии укреплял ее международные позиции, способствовал расширению фронта антигитлеровских государств и в этом смысле имел, несомненно, положительное значение.

Правительства Советского Союза и Англии консультировались друг с другом и по вопросу об отношении к движению «Свободная Франция»²⁶. 24 июня 1941 г. руководитель этого движения генерал Ш. де Голль поручил своим представителям в Лондоне посетить И. М. Майского и заявить от его имени, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии и что в связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой»²⁷. Английская сторона сообщила 7 июля свою точку зрения, высказав при этом мнение, что поскольку правительство Великобритании еще не признало организацию Ш. де Голля как правительство, то для британского правительства «было бы очень стеснительным, если бы советское правительство относилось бы к правительству де Голля в вопросе признания более благосклонно, нежели это сделало британское правительство»²⁸. В начале августа 1941 г. между советским посольством в Лондоне и Французским комитетом национального освобождения начались переговоры, в ходе которых И. М. Майский сообщил французским представителям «об отсутствии со стороны советского правительства возражений против установления с де Голлем официальных отношений в такой же форме, как это имеет место у де Голля с британским правительством». Англичане выразили удовлетворение и благодарность советскому правительству за занятую им позицию. 26 сентября того же года произошел обмен нотами между советским правительством и Национальным комитетом Свободной Франции, что явилось официальным признанием комитета со стороны СССР²⁹.

Политическое сотрудничество СССР и Англии по различным вопросам европейской политики в первые месяцы Отечественной войны свидетельствовало о том, что, несмотря на отдельные, порой серьезные расхождения между советским и английским правительствами по ряду вопросов, например по польскому, это сотрудничество привело к расширению фронта антигитлеровских государств и способствовало консолидации антифашистских сил в Европе.

Встал вопрос и о юридическом оформлении военного союза государств, борющихся против фашистских агрессоров. Таким документом явилась подписанная 1 января 1942 г. в Вашингтоне Декларация 26 государств, получившая впоследствии наименование Декларации Объединенных Наций. Декларацию подписали представители СССР, США, Китая, Великобритании, Австралии, Бельгии, Индии, Канады, Коста-Рики, Кубы, Люксембурга, Чехословакии, Доминиканской Республики, Сальвадора, Греции, Гватемалы, Гаити, Гондураса, Голландии, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Панамы, Польши, Южно-Африканского Союза, Югославии. В декларации заявлялось, что окончательная победа над противником

«необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости» и что указанные страны «теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир». Подписавшие декларацию государства обязались употребить все свои экономические и военные ресурсы против тех членов Тройственного пакта (Германии, Италии и Японии) и присоединившихся к нему государств, с которыми они находились в состоянии войны, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с общими врагами. Таким образом, Декларация Объединенных Наций юридически оформила военно-политический союз антифашистских государств, сплотила в рамках многостороннего соглашения все государства, находившиеся в состоянии войны с германо-японо-итальянской коалицией. Закрепляя союз 26 государств, участники декларации вместе с тем открывали возможности для присоединения к антифашистской коалиции и других стран³⁰.

Между тем в союзнических отношениях назревали новые противоречия. Главным из них был вопрос об открытии западными союзниками второго фронта в Европе. Возникли серьезные трудности в подготовке полноценного союзного договора между СССР и Англией. Но если с Англией имелось соглашение, подписанное 12 июля 1941 г., то какой-либо официальный документ о союзе с США у СССР все еще отсутствовал.

19 мая 1942 г. с подмосковного аэродрома Раменское стартовал самолет-бомбардировщик ТБ-7 (Пе-8), пилотируемый майором Э. Пусепом. Экипажу и пассажирам предстояло пересечь линию фронта, совершить посадку в Великобритании, затем в Исландии, Канаде, наконец, в США и вернуться обратно. Не простой и по сегодняшним меркам маршрут (около 20 тыс. км) был в те года беспрецедентным и рискованным, а задание — ответственным. На борту самолета находился заместитель председателя Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел В. М. Молотов, направлявшийся в Лондон и Вашингтон для переговоров с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом по важнейшим вопросам совместной борьбы трех ведущих держав антигитлеровской коалиции против нашествия агрессоров. Предложения западных союзников использовать для трансатлантического перелета их самолет И. В. Сталин отклонил. Южнее Старой Руссы советский самолет незамеченным миновал линию фронта, взял курс на Швецию, затем к берегам Шотландии и утром 20 мая, ведомый местными радионавигационными службами, приземлился на британском аэродроме. Главным результатом визита В. М. Молотова в Лондон стало подписание 26 мая союзного договора между СССР и Великобританией. Договор заключили сроком на 20 лет с гарантией сотрудничества как в годы войны, так и в послевоенное время. С подписанием англо-советского договора курс на укрепление антигитлеровской коалиции получил важную опору. Еще одной такой опорой должен был стать договор с США. Но советская сторона связывала с визитом В. М. Молотова и расчеты на достижение договоренности об открытии в 1942 г. второго фронта в Европе и готова была для достижения этой цели ко многим уступкам и компромиссам. Надежды были. Ф. Рузвельт, приглашая В. М. Молотова, писал И. В. Сталину: «Я имею в виду весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем западном фронте. Этой цели я придаю огромное значение»³¹. 27 мая У. Черчилль сообщил Ф. Рузвельту: «Договор был подписан вчера во второй половине дня в обстановке большой сердечности с обеих сторон. Молотов — это государственный деятель и обладает свободой действий, весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я очень уверен, что Вы сумеете с ним хорошо договориться. Пожалуйста, сообщите мне ваши впечатления»³². Тем временем самолет с В. М. Молотовым пересек Атлантику. 29 мая на аэродроме в Вашингтоне его встретили государственный секретарь США К. Хэлл, другие официальные лица, посол СССР в США М. М. Литвинов.

К тому времени обстановка на Тихом океане, главном театре военных действий США против Японии, после катастрофы в Пёрл-Харборе и последующих тяжелых поражений американских вооруженных сил и их союзников начала стабилизироваться. В апреле — мае

после успехов японских войск в Бирме, их высадки на островах Минданао (29 апреля) и Тулаги (3 мая) вооруженные силы США осуществили бомбардировку самолетами дальней авиации Токио и ряда других японских городов (20 апреля), была произведена высадка американских войск на острове Новая Каледония (25 апреля), а также союзных британских войск на Мадагаскаре (5–7 мая). Однако главным событием стало морское сражение в Коралловом море (7–8 мая), в результате которого военно-морской флот США впервые сорвал крупную операцию японских сил по захвату Порт-Морсби (Новая Гвинея) — ключевого рубежа в японских планах наступления на Австралию. И хотя в битве за Атлантику положение оставалось угрожающим, США и их вооруженные силы уверенно наращивали свою мощь, опираясь на обширный индустриальный потенциал страны, прочность внутривнутриполитического положения, важнейший и уникальный геополитический фактор — недосыгаемость собственной территории для противника.

В результате нескольких дней переговоров 11 июня 1942 г. было подписано Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии, и согласована формулировка в коммюнике о том, что «достигнута договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Надо сказать, что между И. В. Сталиным и В. М. Молотовым в те дни существовали разногласия в оценке подлинного значения этой формулировки. В. М. Молотов скептически отнесся к заверениям Ф. Рузвельта о планах высадки союзников в 1942 г., в то время как И. В. Сталин верил в реальную возможность достижения этой цели. Подтверждением может служить телеграмма И. В. Сталина, направленная советскому послу в Вашингтоне после отъезда В. М. Молотова в Великобританию. Она являлась ответом на предложение Ф. Рузвельта сократить поставки по ленд-лизу в СССР для высвобождения морских транспортных средств в целях обеспечения своевременной переброски американских войск и техники на Британские острова. Поставки, как свидетельствуют переговоры, сокращались примерно на 40% по сравнению с подготовленным американской стороной протоколом, переданным Ф. Рузвельтом В. М. Молотову для советского правительства. Следует принять во внимание, что в то время развертывалось летнее стратегическое наступление вермахта, и положение на советском фронте ежедневно ухудшалось. Поставки по ленд-лизу были особенно необходимы. Тем не менее И. В. Сталин 6 июня телеграфировал М. М. Литвинову: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж... [с] добавлением, что советское правительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 г. В соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в этом году»³³. Предположение И. В. Сталина не оправдалось. На обратном пути при повторном посещении Лондона У. Черчилль вручил В. М. Молотову памятную записку, из которой следовало, что открытие второго фронта в 1942 г. маловероятно.

Если для Англии и США вопрос о втором фронте был в большей степени вопросом претворения в жизнь их стратегии, то для СССР он был связан и с сохранением жизни миллионов советских людей. Высадка союзников во Франции вела к уменьшению потерь Красной армии и гражданского населения, быстрейшему изгнанию противника из оккупированных областей. На некоторых этапах боевых действий в 1941–1943 гг. проблема второго фронта имела для Советского Союза критическое значение.

Шло время, но второй фронт отсутствовал. Остался позади тяжелейший для Советского Союза 1942 г. с его поражениями и зарей победы под Сталинградом. Англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) показала, что и в 1943 г. наступления союзников во Франции не будет. Совместное послание У. Черчилля и Ф. Рузвельта о результатах конференции, направленное И. В. Сталину, не содержало информации о конкретных операциях и их сроках, а лишь выражало надежду, что «эти операции вместе с Вашим мощным наступлением могут, наверное, заставить Германию встать на колени в 1943 г.»³⁴. В Москве

ясно видели подоплеку этой расплывчатой формулировки, о чем свидетельствовал запрос, содержащийся в послании И. В. Сталина от 30 января 1943 г. У. Черчиллю и Ф. Рузвельту: «...я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления»³⁵. После консультаций с Ф. Рузвельтом английский премьер направил советской стороне обнадеживающий ответ: «Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов... Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь»³⁶. Некоторые западные историки не без основания называют это преднамеренным обманом³⁷. Продолжая в 1943 г. заявлять о скором открытии второго фронта в Европе, правительства США и Англии в действительности готовились к продолжению военных действий на средиземноморском театре. Но обман долго продолжаться не мог, и после очередной встречи с У. Черчиллем в Вашингтоне в мае 1943 г. Ф. Рузвельт сообщил в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г.

История повторялась: в преддверии очередного летнего наступления вермахта союзники объявляли о переносе сроков открытия второго фронта. Так было в 1942 г. То же самое произошло в 1943 г. Последовавший обмен посланиями еще более накалил обстановку: у США и Великобритании не было убедительных аргументов в пользу занятой ими позиции³⁸. Возник серьезный кризис во взаимоотношениях между союзниками. Вдобавок к откладыванию высадки были сокращены поставки СССР по ленд-лизу. Посол США в Москве У. Стендли сделал резкие заявления о невнимании советского правительства к той материальной помощи, которую оказывают США Советскому Союзу. Американское правительство приняло решение о замене своего дипломата. Вскоре из Лондона и Вашингтона были отозваны советские послы И. М. Майский и М. М. Литвинов. К этому времени относится версия о якобы имевшей место встрече В. М. Молотова и И. фон Риббентропа в Кировограде³⁹. Существуют косвенные свидетельства, что это была дезинформация советского правительства, предназначенная для лидеров Англии и США⁴⁰. По многим аспектам она была выгодна Советскому Союзу, способствовала тому, чтобы западные союзники осознали угрозу остаться один на один с А. Гитлером и ускорили вторжение в Европу.

В 1944 г. второй фронт был открыт. Это крупное событие искренне приветствовали в Москве. Действия Красной армии начали координироваться с действиями армий западных союзников в Европе. Но за двухлетний период, с 1 мая 1942 по 31 мая 1944 г., только безвозвратные потери Вооруженных сил СССР (убитыми, пленными и пропавшими без вести) составили более 5 млн 419 тыс. человек⁴¹.

С вступлением Красной армии на территорию стран Восточной Европы резко обострились противоречия по вопросу их послевоенного устройства. Чтобы понять, почему это произошло, необходимо учитывать следующие обстоятельства. Важнейшей геополитической задачей Советского Союза, которую он считал необходимым решить в ходе войны, было создание на своих западных границах в Европе «пояса безопасности», основу которого составили бы границы 1941 г., с дружественными приграничными государствами: Болгарией, Чехословакией, Венгрией, Румынией, Польшей, Финляндией и Норвегией. Оставаясь независимыми, они должны были служить своеобразным «водоразделом» между сферами влияния СССР и других великих держав. Западные союзники противились такому решению вопроса, хотя многие из них понимали, что СССР не допустит возрождения на своих границах враждебного «санитарного кордона».

После разгрома немецких войск в Сталинградской битве, который показал, что СССР способен один разгромить Германию, позиция западных союзников по вопросу о его послевоенных границах претерпела некоторые изменения. Э. Галифакс (в то время британский посол в США), информируя МИД Великобритании о своей беседе с заместителем госсекретаря США С. Уэллесом, писал, что, по мнению С. Уэллеса, если германская машина в скором времени распадется, то американское и английское правительства станут свиде-

телями вступления Красной армии в Восточную Европу и уже не смогут оказать давление на советское руководство.

В последующие месяцы войны западные лидеры с возрастающей тревогой следили за успехами Красной армии, рассматривая их как угрозу большевизации Европы. Образно говоря: «За ширмой дипломатических формулировок и пропагандистских деклараций политика большой тройки была трудным делом, за которым едва скрывались фундаментальные противоречия, иногда как бы исчезающие при необходимости выжить и надеяться на лучшее в послевоенном мире»⁴².

К осени 1944 г. советские войска продвинулись на территории Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, практически вышли на границу с Грецией. В октябре У. Черчилль прилетел в Москву с планом раздела сфер влияния в Восточной Европе, предварительные переговоры о котором он вел с Вашингтоном и Москвой⁴³. Встречающиеся в литературе советского периода сообщения, что И. В. Сталин этот план отверг⁴⁴, не соответствуют действительности⁴⁵. Как поясняют недавно рассекреченные советские записи переговоров и последующие события, Великобритания и СССР предприняли некоторые шаги для практического раздела сфер влияния (Великобритания — в отношении Румынии, а СССР — в отношении Греции). Попытка двух лидеров достичь взаимопонимания в этом вопросе была направлена на поиски компромиссного решения проблемы послевоенного устройства Европы. Но этого не произошло.

Наступил 1945 г. Армии союзников, наступая с запада и востока, стремительно сближались. Решения Европейской консультативной комиссии о зонах оккупации Германии, триумф Ялтинской конференции, казалось, ослабили нараставшие противоречия. Но рассекреченные в 1998 г. документы государственного архива Великобритании указывают, что У. Черчилль вскоре после Ялтинской конференции отдал распоряжение подготовить военную операцию, которая, по его замыслу, должна была изменить ход событий в Европе. Ключевым в этих документах является датированный 22 мая 1945 г. план экстренной операции «Немыслимое», разработанный объединенным штабом планирования военного кабинета Великобритании. В плане дана оценка обстановки, сформулированы цели операции, определены привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. В приложениях к плану содержатся сведения о дислокации войск Красной армии (в английских документах, как правило, употребляется термин «русская армия») и западных союзников, а также картографический материал. Время выполнения поручения премьер-министра на разработку плана операции не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов, есть основания предполагать, что задание премьер-министра было получено планировщиками не позднее апреля 1945 г. Заданию предшествовали мрачные размышления и выводы, которые много лет спустя У. Черчилль воспроизвел в своих мемуарах следующим образом: «...во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий — Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение; в-шестых, Вена, по существу вся Австрия, должна управляться западными державами; по крайней мере на равной основе с русскими Советами; в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии»⁴⁶.

Напомним вкратце военно-политическую обстановку в марте — апреле 1945 г., которая менялась с каждым днем. Красная армия завершила освобождение Польши, Венгрии, заканчивала ликвидацию противника в Восточной Пруссии, овладела Восточной Померанией, Силезией, заняла столицу Австрии — Вену, вышла к центральным районам Чехословакии. К середине апреля войска 1-го Белорусского фронта находились в 60–70 км от Берлина. Утром 16 апреля главные силы 1-го Белорусского, а затем 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов приступили к операции по взятию Берлина. К ее началу немецкое командование пе-

ребросило дополнительные силы на советско-германский фронт, где находилось 214 дивизий, в том числе 34 танковые. На западном фронте оставалось 60 дивизий, из них пять танковых.

Войска западных союзников форсировали в апреле Рейн и завершили ликвидацию рурской группировки противника. Они освободили Дрезден, Магдебург, ряд других крупных городов Германии. 25 апреля произошла историческая встреча американских и советских войск на р. Эльбе в районе г. Торгау. Действия Красной армии и войск западных союзников координировались в соответствии с договоренностями, достигнутыми на Ялтинской (Крымской) конференции.

Нацистская Германия находилась в полной изоляции. Ее единственный союзник — Япония, против которой по решению, подтвержденному на Ялтинской конференции, предстояло выступить Советскому Союзу, уже была не в состоянии оказать какое-либо влияние на ход событий в Европе. Усилиями военно-морского флота США японские войска были выбиты практически со всех захваченных ими территорий в Тихом океане, а японский военно-морской флот разгромлен. Однако сухопутные войска Японии еще представляли собой мощную силу, борьба с которой в Китае и на самих Японских островах могла затянуться.

В апреле 1945 г. Вена, Берлин, а затем и Прага оказались вне досягаемости войск западных союзников. Тем более актуальным представлялось У. Черчиллю создание «нового фронта» против Красной армии. Дата начала военных действий, которая указывалась в плане операции «Немыслимое», — 1 июля 1945 г. Цель — нанести русским войскам тотальное поражение⁴⁷. Однако, изучив вопрос, имперский генеральный штаб пришел к выводу о неосуществимости этого плана ввиду превосходства сил Красной армии. Реакцией У. Черчилля было новое задание: подготовить план обороны Британских островов на случай, «если американцы отведут свои войска в зоны (оккупации. — *Прим. ред.*) и отправят остальные силы обратно в США... В этой обстановке русские будут располагать силами для наступления к Северному морю и Атлантике. Прошу разработать план защиты Британских островов (дословно: «как мы сможем тогда защитить наш остров». — *Прим. ред.*)»⁴⁸.

Вместо наступательной под тем же названием столь же спешно стала разрабатываться оборонительная операция. Из одной крайности бросились в другую. Объединенный штаб планирования военного кабинета в том же составе выполнил задание премьер-министра и 11 июля представил объемистую разработку, в итоге которой делался следующий вывод: «Только в случае использования ракет и другого нового оружия, которое может появиться у русских, возникнет серьезная угроза безопасности нашей страны (первая советская ракетная часть была сформирована в 1946 г. — *Прим. ред.*). Вторжение или серьезные удары по нашим морским коммуникациям могут быть осуществлены только после длительной подготовки, которая займет несколько лет»⁴⁹. Иными словами, разработчики пришли к выводу о непродуктивности и этого варианта операции, косвенно указав на необоснованность опасений премьер-министра относительно советской военной угрозы Западной Европе и Британским островам.

В середине июля 1945 г. У. Черчилль, потерпев поражение на выборах, ушел в отставку. К власти в Великобритании пришло лейбористское правительство во главе с К. Эттли. План операции «Немыслимое», казалось, был признан несостоятельным. Но прошло немного времени, и новое английское правительство начало активно втягивать в это дело американцев и канадцев, что подтверждают рассекреченные документы 1946 г. Они заслуживают отдельного рассмотрения. Отметим только, что ведение переговоров было поручено руководителю британской военной миссии в Вашингтоне, участнику Ялтинской и Потсдамской конференций фельдмаршалу Х. Вильсону, который обсуждал английские военные проекты с президентом Г. Трумэном, генералом Д. Эйзенхауэром, в то время главнокомандующим союзными силами в Европе, и канадским премьером М. Кингом. В сентябре последовала окруженная особой завесой секретности встреча на яхте вблизи побережья США генерала Д. Эйзенхауэра с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери. Стороны в конечном счете пришли к выводу, что, если Красная армия предпримет в Европе наступление, западные союзники не в силах будут его остановить. План операции «Немыслимое», точнее то, что

от него осталось, был отправлен в архив. Последующие планы войны против СССР разрабатывались уже на уровне НАТО.

В связи с «инициативами» У. Черчилля возникает по меньшей мере два вопроса. Первый: имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Подтверждением тому является принятый СССР 23 июня 1945 г. закон о демобилизации армии и флота, последовательный перевод их на штаты мирного времени. Демобилизация началась 5 июля 1945 г. и завершилась в 1948 г. Армия и флот были сокращены с 11 млн до менее чем 3 млн человек, упразднены Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного главнокомандования. Количество военных округов в 1945–1946 гг. уменьшилось с 33 до 21. Значительно сократилось количество войск в Восточной Германии, Польше и Румынии. В сентябре 1945 г. советские войска были выведены из северной Норвегии, в ноябре — из Чехословакии, в апреле 1946 г. — с острова Борнхольм (Дания), в декабре 1947 г. — из Болгарии. Только в связи с созданием НАТО с 1949 г. началось постепенное увеличение численности Вооруженных сил СССР, страна втягивалась в гонку вооружений.

Второй вопрос: знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? На этот вопрос, пожалуй, можно ответить утвердительно. Советская разведка в Англии была одной из самых эффективных. Косвенно подтверждает это и видный знаток истории Вооруженных сил Советского Союза профессор Эдинбургского университета Д. Эрикссон. По его мнению, план У. Черчилля помогает объяснить, «почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 г. перегруппировать свои силы, получил из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен Москве и сталинский Генштаб принял соответствующие меры противодействия»⁵⁰.

Решающим фактором, обострившим противоречия между тремя великими державами и укрепившим их недоверие друг другу, явилось создание и применение в конце войны Соединенными Штатами Америки атомного оружия. Государственному Комитету Оборона СССР стало известно о работах западных союзников над атомным проектом еще в конце 1941 г. Подобные исследования были начаты и в Советском Союзе. С атомной монополией и приходом к власти в США президента Г. Трумэна американская политика в отношении СССР существенно изменилась. Союзнические принципы все чаще сменялись предъяснением требований и односторонними решениями. Речь У. Черчилля в феврале 1946 г. в Фултоне в присутствии Г. Трумэна с выпадами против СССР была расценена в Москве как «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество»⁵¹. Безуспешные попытки добиться запрещения атомного оружия («дубинка для русских парней», по выражению Г. Трумэна) или контроля над ним означали кардинальное изменение соотношения военного потенциала государств большой тройки (прежде всего между США и СССР), что привело к послевоенной гонке вооружений, вызвало череду международных кризисов и локальных войн, подвело мир к угрозе ядерной войны. Период ослабления этой угрозы, некоторой стабилизации обстановки в мире наступил в начале 1970-х гг. с достижением относительного паритета между СССР и США в ядерных вооружениях и средствах их доставки.

Антигитлеровская коалиция, несмотря на присущие ей противоречия, явилась военно-политическим союзом, который, в противовес фашистскому блоку, достиг высокой степени объединения усилий, направленных на разгром агрессоров. Важнейшие совместные решения принимались на конференциях глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране (1943), Ялте и Потсдаме (1945). За последние годы опубликован ряд новых исследований, посвященных этой теме. В вооруженной борьбе армии и военно-морские силы антигитлеровской коалиции противостояли войскам агрессоров на всех театрах военных действий. Первой операцией стратегического значения явилась совместная высадка англо-американских войск в Северной Африке (ноябрь 1942 г.), последующий разгром итало-германских армий в Тунисе, а с их поражением в Италии и фактическое прекращение боевых действий на Средиземном

море. Наиболее крупным достижением была координация военных усилий в Европе с высадкой союзников в Нормандии (июнь 1944 г.). Практически одновременно Красная армия предприняла согласованное с западными союзниками стратегическое наступление, а затем наступление в январе между Вислой и Одером, ускоренное в целях поддержки англо-американских войск, подвергшихся неожиданному удару вермахта в Арденнах. На Дальнем Востоке значительный вклад в разгром Японии на заключительном этапе войны внес Советский Союз. Вооруженным силам США на этом театре оказывали содействие многие союзные страны. Совместные боевые действия сократили потери армий антигитлеровской коалиции и способствовали разгрому агрессоров.

На оперативно-тактическом уровне взаимодействие достигалось совместной охраной конвоев с военными и другими грузами, которые направлялись из США, Великобритании и Канады в СССР, их морским и авиационным прикрытием (с ВМФ и ВВС Великобритании), использованием советских авиабаз для челночных бомбардировок территории противника (ВВС США), разработкой совместного плана дезинформации (операция «Бодигард»), обменом сведениями разведки, контактами военных миссий и прочим. Большое значение имело взаимодействие в сфере экономики, прежде всего в поставках вооружений из США и в меньшей степени из Великобритании в СССР.

Объединительная тенденция в антигитлеровской коалиции, решимость правительств союзных стран довести совместную борьбу против агрессоров до общей победы во многом укреплялась тем, что официальные отношения дополнялись общественно-политическими и культурными связями. Если англо-американские контакты в этой сфере уже имели свои традиции и получили в годы войны дальнейшее развитие, то между США, Великобританией, другими западными странами с одной стороны и СССР с другой они возникли со времен Октябрьской революции, по существу, впервые. Наибольшее развитие получили связи между СССР и Великобританией, а также между СССР и США. Важнейшую роль в них играли радио («Би-би-си», «Коламбия бродкастинг» и радиостанция имени Коминтерна), печать (бюллетени посольств США и Великобритании в Москве и советских посольств в этих странах, бюллетень ТАСС на английском языке, газета «Британский союзник»), работа корреспондентов. Заметное место занял обмен кинопродукцией. В СССР возникло немало нового в работе профсоюзов, комсомола, других общественных организаций. Получили некоторое развитие и личные контакты. Важная роль в них принадлежала интеллигенции союзных стран. Личные контакты советских, американских и британских военнослужащих были связаны в основном с поставками по ленд-лизу и кратковременными встречами на фронтах в 1945 г. Общественно-политические и культурные связи находились под контролем правительственных структур во всех странах. В каждой стране он имел свою специфику и к концу войны во все большей степени зависел от целей государственной политики в послевоенном мире. Тем не менее общий итог связей имел положительное значение. Исторически это было обусловлено еще и тем, что Великобритания и США, союзники России по Антанте, вновь вели совместную борьбу в антигерманском лагере. Представление миллионов людей разных стран о своих союзниках изменились в пользу сближения и взаимного уважения. У значительной части населения Великобритании и США были преодолены негативные представления об СССР. В свою очередь, многие советские люди впервые получили более широкий доступ к информации о западных странах. Все это открывало позитивные перспективы для послевоенного развития мира.

Серьезные противоречия проявились в таких кардинальных вопросах, как открытие второго фронта (стратегия), послевоенное устройство приграничных СССР стран Восточной Европы (геополитика), и приняли крайне острый характер в период монопольного владения Соединенными Штатами преимуществом в атомном оружии.

С позиций современных знаний представляется возможность достаточно объективно прояснить истоки столкновения интересов союзников в 1941–1945 гг. Это актуально уже по той причине, что призраки однополюсного мира неизбежно возвращают нас к дилемме, которая в годы Второй мировой войны стояла перед Ф. Рузвельтом: он не сомневался, что

безопасность народов зависит от великих союзных держав, но его волновал вопрос о том, кто и как будет наблюдать за самими наблюдателями⁵².

Каким-либо специальным решением антигитлеровская коалиция не оформлялась и не распускалась. Достигнув своей главной цели, Большой союз занял достойное место в истории XX в. и остается объектом внимательного изучения.

Великая Отечественная война — решающая часть Второй мировой войны

Вторая мировая война, произошедшая в середине XX в., приняла облик глобального вооруженного конфликта, который вовлек в свою орбиту 61 государство и 80% населения земного шара. Огненный смерч пронесся над огромными пространствами Европы, Азии и Африки, захватил Тихий и другие океаны, достиг берегов Новой Земли и Аляски на севере, Атлантического побережья Европы на западе, Курильских островов на востоке, границ Египта, Индии и Австралии на юге. По своим масштабам, напряженности борьбы и последствиям она намного превзошла Первую мировую войну 1914–1918 гг. Если в начале века в войне участвовало 39 государств, то во время Второй мировой войны — на 22 государства больше. Количество же мобилизованных в вооруженные силы достигло 110 млн человек, что на 40 млн больше, чем в Первой мировой войне. В пожаре войны 1939–1945 гг. сгорели огромные массы военной техники: самолетов — в 4 раза, артиллерии — в 8 раз, танков и САУ (штурмовых орудий) — в 30 раз больше, чем в Первой мировой войне. К концу войны только в Европе в войсках было свыше 360 тыс. орудий и минометов, свыше 50 тыс. танков, около 120 тыс. самолетов, а личного состава — свыше 50 млн человек. Огромные массы людей и военной техники предопределили значительный пространственный размах вооруженной борьбы, а также особо разрушительный характер Второй мировой войны по сравнению с Первой. Военные действия охватили большую часть Европейского континента, развернулись в Азии и Африке. Общая площадь театров военных действий составляла свыше 22 млн кв. км, что в 5,5 раза больше, чем в Первую мировую войну⁵³.

Главные политические и стратегические цели войны достигались на континентальных театрах военных действий. Наиболее интенсивными и напряженными были военные действия в Европе, где они охватили территорию 19 государств: Австрии, Албании, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Греции, Дании, Италии, Люксембурга, Норвегии, Польши, Румынии, СССР, Финляндии, Франции, Чехословакии, Югославии. На Европейском театре военных действий шли самые ожесточенные сражения, участвовали наиболее крупные массы войск, использовалось наибольшее количество военной техники. Многие операции в отличие от других ТВД велись в густонаселенных районах. На полях сражений в Европе были самые большие людские и материальные потери.

В Азии вооруженная борьба проходила на территории 10 государств: Бирмы, Голландской Индии, Индии, Китая, Кореи, Малайи, Таиланда, Филиппин, Французского Индокитая, Японии; в Африке война охватила 11 стран (в основном колонии империалистических государств): Алжир, Египет, Кению, Ливию, Марокко, Британское и Итальянское Сомали, Судан, Тунис, Эритрею, Эфиопию. Военные действия велись здесь преимущественно на узких участках фронта (вдоль приморской полосы и внутренних коммуникаций) или носили очаговый характер; в них участвовало значительно меньше сил и средств, особенно танков, авиации, артиллерии, чем в Европе.

Вне сферы вооруженной борьбы в годы Второй мировой войны находился весь Американский континент. Из 22 американских государств, объявивших войну странам фашистского блока, только США, Канада, Мексика и Бразилия в разной мере участвовали в войне.

Большой размах приобрели военные действия на океанских и морских ТВД. Они охватили обширные акватории, архипелаги и острова Тихого, Атлантического, Северного Ледовитого, Индийского океанов, Средиземного, Балтийского, Черного и других морей. Это было связано с возрастанием роли океанских и морских коммуникаций. Ведь в составе каждой из коалиций находились крупные морские державы, отделенные огромными океанскими пространствами; многие районы военных действий располагались на большом удалении от территории воевавших государств; экономика ряда стран и их способность вести вооруженную борьбу в значительной мере зависели от морских перевозок. Протяженность океанских коммуникаций была очень велика. Их защита, с одной стороны, и нарушение или срыв морских перевозок противника, с другой, являлись важнейшими задачами в борьбе на океанских и морских ТВД в ходе всей войны. В решении этих задач участвовали сухопутные войска, авиация и военно-морские силы.

Вооруженная борьба в годы Второй мировой войны — это противоборство массовых, многомиллионных армий, многочисленных военно-воздушных и военно-морских сил. По составу и общей численности вооруженных сил воевавших государств эта война была наиболее крупной в истории. Никогда прежде мобилизация людских ресурсов не проводилась в столь широких масштабах. В 1939—1945 гг. вооруженные силы были призваны в 1,5 раза больше людей, чем в Первую мировую войну. Их численный и боевой состав непрерывно возрастал, особенно после нападения Германии на Советский Союз, вступления в войну США и образования антигитлеровской коалиции. Наиболее крупными вооруженными силами обладали СССР, США, Великобритания, Китай. Значительные людские контингенты были мобилизованы в Индии, Австралии, Канаде.

Во Второй мировой войне, развязанной Германией, СССР являлся главным препятствием на пути германского нацизма к мировому господству. Агрессор ставил своей целью уничтожение Советского Союза как государства, захват и ограбление его территории, закабаление и физическое уничтожение основной части населения. Поэтому главная цель СССР в этой справедливой, оборонительной войне состояла в том, чтобы устранить нависшую над страной смертельную угрозу. Достичь этого возможно было единственным путем — полным разгромом вермахта и войск союзников Германии, ликвидацией нацизма, враждебного всему человечеству. Такие цели сторон обусловили острый, непримиримый характер войны: самую высокую степень бескомпромиссности вооруженной борьбы, решительности и активности военных действий, напряженности и кровопролитности сражений на советско-германском фронте по сравнению с другими фронтами Второй мировой войны.

Степень боевого использования вооруженных сил различных государств на фронтах и театрах военных действий была неодинаковой. В составе антигитлеровской коалиции с наибольшим напряжением сражались Вооруженные силы СССР. Потенциальные возможности США и Англии использовались для борьбы против агрессивного блока не в той мере, в какой требовали интересы коалиции. Это объясняется тем, что в рамках коалиции каждая страна преследовала и собственные национальные интересы, которые, особенно при эгоистическом их понимании, иногда расходились с коалиционными. Так, США и Англия по разным причинам вплоть до 1944 г. избегали вводить значительные контингенты своих войск в кровопролитные боевые действия на сухопутных театрах войны, особенно в Европе. Они предпочитали добиваться ограниченных успехов, опираясь главным образом на политические и дипломатические средства (Англия) или на свой военно-экономический потенциал (США). Однако для Советского Союза, на территории которого развивались главные события войны, такие методы были неприемлемы. Интересы быстрейшего освобождения Родины требовали максимальных усилий как вооруженных сил, так и всего народа. Поэтому интересы СССР совпали с коалиционными.

Главная тяжесть вооруженной борьбы, как уже отмечалось, легла на советско-германский фронт. Здесь решительность политических и военных целей воюющих сторон обусловили бескомпромиссный характер вооруженного столкновения, достижение важнейших стратегических результатов, оказавших определяющее воздействие на ее ход и исход. С 22 июня

1941 г. так называемый восточный фронт стал главным фронтом Второй мировой войны, где на различных ее этапах с обеих сторон участвовали от 8 млн до 12,8 млн человек, от 84 тыс. до 163 тыс. орудий и минометов, от 5,7 тыс. до 20 тыс. танков, самоходных артиллерийских установок и штурмовых орудий, от 6,5 тыс. до 18,8 тыс. самолетов⁵⁴. В полосе от Белого до Черного моря летом 1941 г. вели бои 190 дивизий Германии и ее союзников (95,5% общего количества сухопутных сил), в апреле 1942 г. — 219 дивизий (92,5%), в ноябре 1942 г. — 266 дивизий (95,5%), в апреле 1943 г. — 233 дивизии (94,1%), в январе 1944 г. — 245 дивизий (92,1%). Даже после открытия второго фронта в Европе против Красной армии вели борьбу 195–240 дивизий, на западном же фронте действовало от 56 до 75 дивизий. В вооруженной борьбе на советско-германском фронте участвовало до 81% орудий и минометов, до 67% бронетанковой техники, до 60% боевых самолетов противника⁵⁵.

Советско-германский фронт отвлекал основные силы союзников Германии. Так, в июне 1941 г. в боях с Красной армией участвовали 29 дивизий и 16 отдельных бригад, в ноябре 1942 г. — 66 дивизий и 13 отдельных бригад, в июле 1943 г. — 32 дивизии и восемь отдельных бригад, в июле 1944 г. — 51 дивизия и девять отдельных бригад, в феврале 1945 г. — 16 дивизий и одна бригада. Кроме того, на оккупированной территории с германскими властями сотрудничали почти 750 тыс. человек (они служили в полувоенных формированиях, полиции и антипартизанских командах). «Добровольных помощников» (хиви) было около 700 тыс. В боевых частях вермахта проходили службу 400–450 тыс. человек. Большинство из них были распределены по отдельным батальонам и ротам, приданным германским дивизиям⁵⁶.

Приковывая главные силы Германии и ее сателлитов, отвлекая их от других военно-политических объектов, Советский Союз кардинально способствовал облегчению положения союзников и успехам на всех остальных фронтах. Союзники, имея многомиллионные армии, направляли на действующие фронты незначительную часть своих войск: вплоть до 1944 г. на сухопутных фронтах было около трети вооруженных сил США и Великобритании. Основная же масса их войск находилась вне театров военных действий, не участвовала в боях и оказывала влияние на ход вооруженной борьбы и ее результаты в основном «непрямыми действиями». Заметное увеличение количества войск США и Англии на фронтах произошло лишь после сокрушительных поражений вермахта на советско-германском фронте. Более интенсивно действовали авиация союзников, а также флоты, развернутые на морских и океанских театрах, особенно на коммуникациях в Атлантике и на Тихом океане.

На характер вооруженной борьбы большое влияние оказало не только увеличение количества военной техники, но и ее качественное совершенствование. Уже к началу войны армии и флоты основных воевавших государств располагали оружием, значительно превосходившим по боевым характеристикам аналогичные образцы, применявшиеся в Первой мировой войне. В военное время процесс совершенствования боевых и технических средств усилился. Рост боевых возможностей оружия, создание и использование различных видов военной техники, в том числе новых мощных и дальнобойных средств поражения, усложнили характер вооруженной борьбы и в то же время позволили решить более важные стратегические, оперативные и тактические задачи, во многом изменили характер вооруженного противоборства. Этому способствовало массовое применение в военных действиях автоматического оружия, танков, самолетов и других видов военной техники, а также оснащение войск радиотехническими средствами и разнообразной военно-инженерной техникой.

Несмотря на значительное разнообразие театров военных действий и разный характер вооруженного противоборства на них, для Второй мировой войны были характерны: быстрое и резкое изменение военной обстановки и соотношения сил в ходе вооруженной борьбы; острая и упорная борьба за стратегическую инициативу; высокие темпы наступления, стремительные прорывы, охваты и обходы, нанесение ударов по флангам и тылу противника с последующим окружением; преимущественное ведение наступательных стратегических операций, с одной стороны, и значительная активность и упорство стратегической обороны, с другой; возросшая зависимость вооруженной борьбы от экономики и морально-политического фактора и связанная с этим степень живучести войск.

Однако соотношение указанных особенностей вооруженной борьбы на различных театрах военных действий было неодинаковым, и прежде всего потому, что Вторая мировая война фактически состояла из ряда войн: агрессии фашистской Германии против Польши, Дании, Норвегии; войны между Германией и Францией, Англией, Бельгией, Нидерландами и еще рядом стран; войны между Германией и ее союзниками с одной стороны и Советским Союзом с другой; войны между Японией и США и других. Каждая из этих войн имела свой социально-политический и военно-технический характер, свою длительность и другие характеристики. Кроме того, во всех войнах как составных частях Второй мировой войны были различными политические и военные цели, а от них существенно зависели и военные действия: их начало, ход, напряженность, длительность и прочее.

Можно отметить, например, ограниченность политических и военных целей Германии по отношению к Франции и Англии в 1939–1940 гг. и непоследовательность политических устремлений правящих кругов Англии и Франции. Это позволило немецкой армии быстро разгромить вооруженные силы Польши, а затем в короткие сроки нанести поражение странам Запада. Так, Дания была захвачена за один день, Голландия — за пять, Бельгия — за 19, Франция — за 44, боевые действия в Норвегии продолжались 63 дня. В 1941 г. нацистская Германия оккупировала Югославию, Грецию, захватила остров Крит и вступила в боевые действия в Северной Африке.

Иначе было в войне между Советским Союзом и нацистской Германией. Здесь решительность политических и военных целей воюющих сторон обусловила бескомпромиссный характер вооруженной борьбы и достижение важных стратегических результатов, оказавших решающее воздействие на ход и результаты Второй мировой войны в целом. С 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. советско-германский фронт был главным фронтом Второй мировой войны. Военные действия на советско-германском фронте отличал небывалый пространственный размах. Вначале протяженность линии фронта составляла около 4 тыс. км, а в 1942 г. превысила 6 тыс. км, в то время как западный фронт составлял 800 км, североафриканский — 350 км, а итальянский — 300 км⁵⁷. Стратегические наступления осуществлялись на фронте от 1200 до 4250 км, а глубина продвижения войск составляла 200–1100 км. Белорусская операция велась на фронте 700–1000 км и на глубине 550–600 км. Масштабными были все другие крупные операции. Так, в Берлинской операции активные боевые действия развернулись в 500-километровой полосе — от Балтийского моря до отрогов Судетских гор. В ней с обеих сторон приняли участие около 3,5 млн человек, свыше 52 тыс. орудий и минометов, около 8 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, почти 11 тыс. боевых самолетов и около 280 дивизий. Кровавопролитные сражения на всем фронте или на его участках шли почти непрерывно. Паузы между крупными операциями были редким явлением. Характерно, что из 1418 суток существования советско-германского фронта активные боевые действия велись 1320 суток (93% времени), на итальянском фронте из 663 суток — 492 (72,2%), на западном фронте из 338 суток — 293 (86,7%), на североафриканском из 973 суток — 309 (30,8%). Красная армия осуществила 37 стратегических операций, союзники на западном фронте — шесть, на итальянском и североафриканском — по три стратегических операции. Ширина полосы наступления группы советских фронтов достигала 1000–1400 км, глубина — 300–600 км при среднесуточных темпах продвижения стрелковых войск до 25 км, а бронетанковых — до 65 км в сутки⁵⁸. Показатели же наступления союзников были в 2–3 раза ниже.

Используя огромные материальные и людские ресурсы, в ходе войны Советскому Союзу удалось увеличить численность войск — примерно в 2 раза, численность орудий и минометов — почти в 3 раза, танков — в 6 раз, самолетов (новых типов) — более чем в 9 раз. Это способствовало повышению эффективности операций, проводимых Красной армией.

Необходимо особо отметить, что для советско-германского фронта были характерны битвы как совокупность одновременных и последовательных наступательных и оборонительных операций стратегического масштаба, которые на определенном этапе войны проводились на важнейших направлениях фронта, в интересах достижения решающих военно-политических целей. Как правило, они велись на обширных пространствах, носили длительный,

упорный и жесточенный характер. К их числу относятся: битва под Москвой, битва за Ленинград, Сталинградская битва, битва за Кавказ, Курская битва и битва за Днепр. Они продолжались от одного до шести месяцев, а битва за Ленинград — около трех лет. В каждой из битв советскими войсками было проведено по несколько стратегических и фронтовых операций (как в рамках стратегических операций, так и вне их).

Боевые действия советских войск характеризовались высокой активностью. Об этом свидетельствует напряженная и драматическая борьба за стратегическую инициативу, без обладания которой не может быть успехов и нельзя добиться победы над противником. Агрессор захватил ее сразу же с началом войны, что дало ему значительные преимущества в ведении последующих операций. Для Красной армии борьба за стратегическую инициативу приобрела ключевое значение. Она велась с целью изменить неблагоприятный для Советского Союза ход вооруженной борьбы и войны в целом, добиться коренного перелома и создать предпосылки для решительного разгрома врага. И с этой задачей Красная армия, за спиной которой стоял многомиллионный советский народ, справилась.

Для захвата стратегической инициативы потребовалось изменить количественное и качественное соотношение сил на фронте путем ослабления прежде всего ударных группировок противника, действовавших на главных стратегических направлениях. Кроме того, необходимо было не только восстановить, но и увеличить производство военной техники. Наконец, для захвата стратегической инициативы потребовались высокое мастерство и упорство в обороне, умение собрать силы, выбрать момент и главные направления сосредоточения усилий, организовать и провести мощное контрнаступление, обеспечить развитие достигнутых успехов и перерастание ударов в стратегическое наступление. Все это было достигнуто на советско-германском фронте.

Здесь же проявились новые черты и в организации взаимодействия войск при решении поставленных задач. Оно было намного более сложным, чем на других ТВД, не говоря уже о прошлых войнах. Наряду с этим в полной мере дала о себе знать и такая черта, как резкий рост потребностей фронта в материальных и технических средствах. Достаточно сказать, что каждая стратегическая операция требовала расхода такого количества материальных средств, которого в прежних войнах хватало на несколько кампаний, а иногда и на всю войну. Изменилось и соотношение между различными видами материального и технического обеспечения войск, многократно возрос удельный вес вооружения, боеприпасов, горючего, инженерного имущества. Красная армия в ходе Великой Отечественной войны израсходовала боеприпасов в 10 раз больше, чем российская армия в годы Первой мировой войны. Для обеспечения действий одного механизированного корпуса Красной армии нужно было столько горючего, сколько расходовала его вся русская армия в 1914–1917 гг. С увеличением материально-технических потребностей армии возросло значение своевременной и непрерывной доставки ей необходимых средств, что повысило роль всех видов транспорта (железнодорожного, автомобильного, воздушного, водного).

Война показала, что современные армии обладают высокой живучестью. Сокрушение государства в течение одной кампании, одним стратегическим ударом могло быть достигнуто лишь в борьбе с таким противником, который не обладал необходимой военной мощью. Ведущей же чертой вооруженной борьбы было длительное противоборство воюющих сторон, в котором конечные политические и стратегические цели достигались проведением ряда кампаний и стратегических операций. Недооценка возросших способностей государств к длительному сопротивлению, восполнению потерь в личном составе и материальных средствах, увеличению военного производства приводила к крупным политическим и стратегическим просчетам.

Кроме оборонительных и наступательных операций в рамках названных битв Красная армия осуществила ряд других крупных стратегических операций. Всего их было 51, а наиболее значительными стали Белорусская, Висло-Одерская, Берлинская. Каждая из них осуществлялась на широком фронте и на большую глубину. Этому во многом способствовало достаточно эффективное решение политическим и военным руководством Советского Союза

проблемы резервов, что позволяло восстанавливать потери, наращивать боевую мощь армии путем новых формирований и пополнения войск военной техникой.

Справедливые политические цели войны с фашизмом сделали советско-германский фронт примечательным в том отношении, что здесь действия регулярных войск Красной армии сопровождались активными действиями крупных сил партизан в тылу противника. Создавались не только отдельные отряды, но и целые соединения. По сути, это был фронт борьбы с агрессором, отвлекающий у противника значительные силы. Партизанская борьба — явление не только военного порядка, но и политического, свидетельство всенародности сопротивления фашизму, патриотизма советских людей. Совместно с Красной армией в борьбе против захватчиков сражались также сформированные в ходе войны части и соединения ряда европейских стран, подвергшихся оккупации (Польша, Чехословакия, Франция, Румыния, Венгрия, Югославия).

Важнейшим критерием того, что советско-германский фронт был решающим фронтом Второй мировой войны, являются те потери, которые понес на нем противник. Здесь было уничтожено 607 вражеских дивизий, в то время как в Западной Европе, Италии и Северной Африке союзники разгромили 176 дивизий. Из общих потерь военно-воздушных сил вермахта, насчитывающих немногим более 100 тыс. самолетов, в боях с советскими войсками Германия потеряла до 77 тыс. Было уничтожено или захвачено до 75% орудий и минометов (167 тыс. из 225 тыс.), около 75% танков и штурмовых орудий (48 тыс. из 64 тыс.) противника⁵⁹. Из войны были выведены такие союзники Германии в Европе, как Венгрия, Словакия, Румыния, Финляндия, Хорватия; разгромлены 8-я итальянская армия, более сотни так называемых добровольческих национальных формирований; Болгария порвала союзнические отношения с Германией.

Наиболее характерной чертой военного противоборства Красной армии с фашистским вермахтом и его союзниками на советско-германском фронте была органическая связь его военно-стратегических результатов с военно-политическими и социальными, единство национальных и коалиционных интересов. В отношениях с западными союзниками военные действия на советско-германском фронте сыграли решающую роль. Успехи Красной армии на полях сражений оказали влияние на размеры помощи СССР со стороны союзников, заставили их принимать советские предложения о согласованных действиях на фронтах Второй мировой войны, учитывать позиции Советского Союза по проблемам устройства послевоенного мира.

В 1941 г. ни на одном из трех главных стратегических направлений наступления германская армия не достигла поставленных целей. В директиве верховного главнокомандования вермахта № 39 от 8 октября 1941 г. предписывалось «прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне» и создать «необходимые предпосылки для возникновения крупных наступательных операций в 1942 г.».

Однако Красная армия по указанным выше причинам не сумела использовать сложившуюся на фронте обстановку в своих интересах. Весной и летом 1942 г. ее постигли новые неудачи и поражения. Но в ходе ожесточенных сражений армия напряженно училась воевать, совершенствовалась ее организационная структура, во все большем количестве поступала в войска новая военная техника. Постепенно солдаты и офицеры овладевали сложными тактическими приемами, позволявшими уверенно бить врага, генералы и адмиралы постигали современное военное искусство.

Летом 1943 г. в ожесточенных сражениях на Курской дуге был окончательно сломлен становой хребет вермахта. В то же время англо-американским войскам была облегчена задача высадки десанта в Италии. Все это ускорило распад блока фашистских государств, заставило немецкое командование навсегда отказаться от наступательной стратегии. Курская битва и выход советских войск к Днепру имели огромное международное значение. «Война вступила в совершенно новую фазу, последствия которой слишком важны, чтобы не оценить их сейчас... — писала в те дни газета «Нью-Йорк геральд трибюн». — Центральным моментом в новой фазе войны является выступление России в качестве могучей военной силы».

У. Черчилль подчеркивал, что «три огромных сражения — за Курск, Орел и Харьков, — все проведенные в течение двух месяцев, ознаменовали крушение германской армии на восточном фронте». Действительно, победа Красной армии под Курском оказала решающее влияние на последующие действия союзников. Уже в августе 1943 г. на конференции глав правительств США и Англии в Квебеке (Канада) американцы отбросили «средиземноморскую стратегию» У. Черчилля и поставили вопрос об ускорении открытия второго фронта в Западной Европе. Одновременно обсуждался вопрос об активизации работ над атомной бомбой. Лидеры Запада понимали, что Советский Союз после побед 1943 г. стал реальным претендентом на одну из ведущих ролей в послевоенном мире. Советская делегация на Тегеранской конференции сумела использовать стратегические успехи 1943 г., превратив их в успех политический.

В 1944 г., когда в ходе грандиозных наступательных операций советские войска продвинулись на запад от 500 до 1000 км, изгнали врага за пределы родной земли, начали освобождение народов Европы от фашистского ига и вышли к границам Германии, союзники резко активизировали свои боевые действия в Западной Европе.

В мае 1945 г. крах Германии стал фактом. В Берлинской операции был нанесен окончательный удар по гитлеризму. Красная армия разгромила миллионную группировку гитлеровских войск, защищавших логово фашистского зверя с упорством обреченных, и овладела Берлином — столицей Третьего рейха.

Разгром Германии и ее европейских союзников оказал решающее влияние на ликвидацию последнего очага Второй мировой войны на Дальнем Востоке. Здесь Красная армия во взаимодействии с Тихоокеанским флотом нанесла поражение ударной силе сухопутных войск Японии — Квантунской группировке войск. Ущерб, нанесенный ей, исчислялся в 83 737 убитыми и 640 276 пленными (вместе с 79 276 солдатами и офицерами, капитулировавшими после 3 сентября 1945 г.). Он составлял около 30% военных потерь Японии за всю войну. Характерно, что безвозвратные потери советских войск исчислялись в 12 031 человек⁶⁰ (соотношение ущерба и потерь 6,9:1). Вооруженные силы СССР освободили Маньчжурию, Северо-Восточный Китай, северную часть Кореи, Южный Сахалин и Курильские острова. Разгром Квантунской группировки войск и потеря военно-экономических баз в Китае и Корее лишили Японию реальных сил и возможностей продолжать войну.

Безусловно, победа во Второй мировой войне была достигнута общими усилиями народов антигитлеровской коалиции. Несомненно, огромный вклад в ее исход внесли США, Великобритания, Франция, многие другие страны. Особенно эффективно действовали авиация и флот США и Великобритании. В войне активно использовался и их военно-экономический потенциал. Однако решающую роль в разгроме фашистского блока сыграл Советский Союз, его вооруженные силы, о чем свидетельствуют отмеченные исторические факты. Эту истину признавали в свое время политические, военные и общественные деятели многих стран мира. 27 октября 1944 г. премьер-министр Великобритании У. Черчилль в послании к И. В. Сталину писал: «Я воспользуюсь случаем, чтобы повторить завтра в палате общин то, что я сказал ранее: именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины». «Красная армия и русский народ, несомненно, заставили вооруженные силы Германии идти по пути к окончательному поражению», — отмечал президент США Ф. Рузвельт⁶¹. Видный английский общественный деятель Пирс Пол Рид отмечал: «Поражение Гитлера — исход борьбы, означавший поражение фашистской армии, — было предрешиено не боями в пустынях Северной Африки или на берегах Нормандии, а в Сталинграде, Ленинграде и Курске. Для Гитлера Англия и Северная Африка имели периферийное значение. Он был побежден в России»⁶².

Пока шла война, мало кто из ведущих политиков стран Запада отрицал решающую роль СССР в приближающемся полном разгроме агрессоров в Европе. Высокие оценки его заслуг звучали с нарастающей силой по мере каждой новой победы Красной армии. Не являлось исключением в этом смысле и руководство США, которое объективно оценивало значение советско-германского фронта и неоднократно подчеркивало это в своих публичных заявле-

ниях. Уже 2 августа 1941 г. в ноте американского правительства подчеркивалось, что «усиление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов». В мае 1942 г. президент США Ф. Рузвельт признал: «Русские уничтожают больше солдат противника и больше вооружений и снаряжения, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций вместе взятые»⁶³. Вполне справедливым представляется также утверждение государственного секретаря США периода войны Э. Стеттиниуса: «Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели... Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были бы также в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдарм в Латинской Америке». 6 января 1945 г. Ф. Рузвельт в послании конгрессу писал: «Мы не можем забыть героическую оборону Москвы, Ленинграда и Сталинграда и гигантский размах русских наступательных операций в 1943–1944 годах, в результате которых были уничтожены огромные германские армии». В мае того же года новый президент США Г. Трумэн отмечал: «Мы глубоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы»⁶⁴. Английский фельдмаршал Б. Монтгомери, касаясь участия СССР в войне, писал в мемуарах: «Россия совершила великий военный подвиг... Пока Англия и Америка собирали силы, германские армии жгли, грабили и убивали на русских землях, оставляя за собой страшные разрушения и неисчислимые человеческие жертвы... Россия в тяжелом единоборстве почти один на один с наступающими гитлеровскими армиями приняла на себя всю силу германского удара и выстояла. Мы, англичане, никогда не забудем подвига России»⁶⁵.

Главным стратегическим и политическим итогом борьбы на советско-германском фронте стал разгром сильнейшей армии агрессоров, сокрушение военной мощи Германии и ее европейских союзников, полный провал их стратегических планов и замыслов. Таким образом, активные, крупномасштабные операции Вооруженных сил СССР имели не только военное, но и огромное политическое и историческое значение. Они, во-первых, сыграли важнейшую роль в разгроме военной машины Германии, ликвидации самой реакционной политической системы и поражении нацистской идеологии; во-вторых, привели к освобождению больших территорий и многочисленного населения от гитлеровской оккупации, создали условия для восстановления независимости многих народов; в-третьих, явились главным условием последующего разгрома милитаристской Японии и окончания Второй мировой войны.

Экономическое сотрудничество союзников

Материальная помощь СССР по ленд-лизу и солидарность международной общности укрепляли у советских людей веру в справедливость войны, которую они вели, убеждали, что их жертвы и испытания высоко ценятся союзниками, утверждали гордость за вклад страны в общие усилия антигитлеровской коалиции и свою личную сопричастность к великой борьбе. Позитивное содержание в этих настроениях формировалось медленно и противоречиво: под влиянием жесткого противостояния довоенных лет, с одной стороны, и стремления к взаимопониманию, рожденному совместной борьбой против общего врага, с другой.

Основная часть вооружения и техники, необходимых для ведения борьбы с противником, производилась на советских заводах и фабриках, но существенным вкладом в военно-экономические усилия СССР явилась и материальная помощь западных союзников. С Великобританией СССР еще в начале войны обменялся экономическими миссиями, предложив список наиболее дефицитных предметов обороны, на которые он рассчитывал со стороны Запада. Корабли конвоя с грузами для СССР, пройдя опасным Северным морским путем,

впервые появились в Архангельске 31 августа 1941 г. Транспорты первого конвоя доставили в Архангельск 48 самолетов типа «Томагавк» и один «Хоукер Сидли», свыше 1 млн патронов и другие военные материалы. В августе — сентябре того же года прибыло семь союзных конвоев, всего 51 транспорт, в том числе девять советских. Поставки за наличный расчет производили и США. До 15 сентября 1941 г. из Америки в СССР были отправлены 8 млн патронов, 10 тыс. бомб, 10 радиостанций, 49 самолетов и девять авиамоторов.

Конечно, этого было очень мало, чтобы удовлетворить острые нужды Советского Союза и восполнить его огромные потери в военной технике и материальных ресурсах. Но обнадеживала перспектива получения большого объема помощи со стороны Запада в будущем. В августе 1941 г. на встрече в Атлантике, близ острова Ньюфаундленд, президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр У. Черчилль обсудили также вопросы о помощи СССР. Они решили предложить И. В. Сталину провести в Москве конференцию представителей США, СССР и Великобритании по вопросу распределения ресурсов этих трех государств. В письме Ф. Рузвельта и У. Черчилля к И. В. Сталину, в частности, говорилось: «...мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь. Многие суда с грузом уже покинули наши берега, другие отплывают в ближайшем будущем... Для того чтобы мы все смогли принять быстрые решения по вопросу о распределении наших общих ресурсов, мы предлагаем подготовить конференцию в Москве... Если предложение о таком совещании встретит Ваше одобрение, то... впредь до принятия этим совещанием решений мы будем продолжать по возможности быстрее отправлять Вам снабжение и материалы»⁶⁶.

Московская конференция (29 сентября — 1 октября 1941 г.) совпала с развертыванием наступления вермахта на советскую столицу. Еще до открытия переговоров А. И. Микоян направил главе советской делегации В. М. Молотову проект подготовленных документов для вручения главам американской (А. Гарриману) и британской (лорду У. Бивербруку) делегаций. Представители западных держав восприняли запросы советской делегации как свидетельство решимости вести продолжительную войну. Подписанное соглашение, известное как Московский протокол, предусматривало свыше 70 основных видов поставок (вооружение, стратегические материалы и сырье) и более 80 предметов медицинского снаряжения, всего свыше 1,5 млн тонн. С 1 октября 1941 по 30 июня 1942 г. Соединенные Штаты и Англия согласились направлять в Советский Союз ежемесячно 400 самолетов (из них 100 американских бомбардировщиков, 200 британских и 100 американских истребителей), 500 танков (из них не более половины малых), по 152 зенитные пушки (90-мм), по 2 тыс. тонн алюминия из Канады сверх уже отправленных 5 тыс. тонн, олово, свинец и другие металлы, по 1200 металлорежущих станков и прочее⁶⁷. СССР выразил готовность расплачиваться за эти поставки средствами из золотого запаса страны, а также рассмотреть заявки Британии и США на товары из СССР, прежде всего на хромовую руду.

30 октября Ф. Рузвельт принял решение о предоставлении Советскому Союзу беспроцентного займа в 1 млрд долларов. Всего в 1941 г. СССР закупил у США товаров за наличный расчет на сумму 41 млн долларов, однако дальнейшие поставки на торгово-кредитной основе не могли удовлетворить Советский Союз, поскольку борьба с войсками фашистского блока развернулась на его огромной территории. Нужды фронта и тыла все время возрастали в огромных масштабах. Без введения какого-то иного порядка поставок материалов в СССР было не обойтись. Благодаря усилиям советской и американской дипломатии решением президента США Ф. Рузвельта на СССР с 7 ноября 1941 г. был распространен закон о ленд-лизе⁶⁸. В соответствии с этим законом оборона СССР была признана «жизненно важной» для обороны Соединенных Штатов. Эти акции, так же как американские и британские обязательства по совместным протоколам и поставкам СССР, отвечали интересам собственной обороны двух западных держав и одной из целей их «большой стратегии» — удерживать Советский Союз в состоянии войны с нацистским рейхом. Были также установлены основные принципы расчетов по ленд-лизу: уничтоженные, утраченные во время войны и оказавшиеся не годными для дальнейшего потребления материалы не подлежат никакой

оплате; материалы, оставшиеся после окончания войны и пригодные для гражданских потребностей, оплачиваются полностью или частично в порядке долгосрочного кредита; военные материалы остаются в странах-получателях, но правительство США сохраняет за собой право истребовать их (правда, оно заявило, что не воспользуется им); оборудование, не законченное производством к концу войны, и ленд-лизские материалы, находящиеся на складах правительственных учреждений США, могут быть приобретены государствами-заказчиками, причем американское правительство предоставляет кредит на их оплату. С ноября 1941 г. американские поставки стали производиться на основании закона о ленд-лизе. Официально решение президента США было зафиксировано в Соглашении о принципах, применяемых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, подписанном 11 июня 1942 г. во время визита В. М. Молотова в Вашингтон. Это соглашение было аналогично тем, которые США заключали со всеми странами — получателями помощи по ленд-лизу. На основе Соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии, подписанного 12 июля 1941 г., Англия предоставила СССР кредит в 10 млн фунтов стерлингов сроком на пять лет. Но вскоре поставки с Британских островов стали осуществляться также на условиях ленд-лиза.

После прибытия в Архангельск первого корабля союзников с грузом развернулась огромная работа по сборке и перевозке техники и других грузов в СССР, доставке вооружения на фронт. Десятки тысяч представителей союзных стран и армий трудились рука об руку, порой в очень тяжелых и опасных условиях при сборке и проверке различных видов техники. В ходе тесного делового сотрудничества американские, английские и советские специалисты проявили большое взаимопонимание. Простых людей объединяла единая цель — разгромить общего врага. Доставка грузов осуществлялась по различным направлениям, включавшим несколько маршрутов и воздушных трасс. Из США и Англии через северные моря шли транспортные конвои; отбиваясь от немецких подводных лодок, они следовали в Мурманск и Архангельск. На юге, от портов Персидского залива через пустыни, горы Ирана и Ирака, по железной дороге, автомагистралям и по воздуху доставлялись военная техника и снаряжение в советское Закавказье. Над Аляской и Сибирью летели из Калифорнии в Красноярск, а далее на фронты боевые и транспортные самолеты. На Дальний Восток шли транспорты с самыми различными грузами. Русские, британцы, американцы, специалисты разных профессий и обслуживающий персонал, солдаты и офицеры, хозяйственники, дипломаты, переводчики в течение многих месяцев решали общие, почти всегда сложные, а порой весьма щекотливые проблемы.

Северный маршрут транспортировки грузов для СССР (от берегов Британии и Исландии до Мурманска и Архангельска) представлял наибольшие трудности. Он был самым коротким, караваны проходили его за 10–12 дней, но и самым рискованным. Именно там погибло больше всего моряков из Англии и США, судов и импортных грузов. Этот маршрут охватывал две зоны: английскую — к западу от острова Медвежий, советскую — к востоку от острова. Грузы доставлялись судами СССР (до 1943 г.), Великобритании и США (с 1942 г.) в составе конвоев. Конвой составлялся вначале из 6–10, а в дальнейшем из 30–40 транспортов. Арктическим конвоям в СССР присваивалось условное наименование (например, PQ-12). Возвращавшиеся домой конвои обозначались буквами QR⁶⁹. Постоянная опасность заставляла принимать меры защиты. В августе на смежных позициях у побережья Норвегии вместе с советскими подводными лодками были развернуты две английские, базировавшиеся в Полярном. Планы их использования, разработанные штабом британской миссии, согласовывались со штабом Северного флота. С 24 августа по 18 октября 1941 г. небо над Кольским заливом совместно с североморскими летчиками защищали две эскадрильи английских летчиков, сражавшихся на истребителях «харрикейн». Англичане в 365 боевых вылетах сбили 12 самолетов противника, потеряв всего один свой. К весне 1942 г. в 12 конвоях из 103 судов, входивших в их состав, погибло одно.

Борьба против общего врага сближала советских и иностранных моряков. В дни, когда в Архангельск и Мурманск приходили союзные конвои и отряды кораблей, большой попу-

лярностью пользовались спортивные встречи, выступления коллективов художественной самодеятельности, «вечера общих побед». А таких побед было немало. Англо-американские и советские корабли и самолеты, действовавшие в Арктике, потопили 27 подводных лодок, два линкора, три эсминца. Но и потери были немалые: из 1530 транспортов, входивших в состав 78 конвоев (42 — в СССР, 36 — из СССР), 85 было потоплено на переходе, а 41 транспорту по разным причинам пришлось возвратиться с маршрута на свою базу⁷⁰. Значение северного маршрута было особенно велико в последние месяцы 1941 и в 1942 г. В октябре — декабре 1941 г. Северная Россия приняла соответственно 73,8, 71,3 и 69,5% общего объема поставок, направленных в этом году в СССР из Западного полушария.

Наиболее стабильным путем доставки военных грузов на всем протяжении Великой Отечественной войны было дальневосточное направление, по которому поступило более 8 млн тонн, то есть почти половина общего количества грузов. Тихоокеанский маршрут, так же как и южный маршрут (через Иран), открыл ворота для крупного потока ленд-лиза, особенно в 1943—1945 гг. Через Дальний Восток в 1943 г. прошло 49,8% всех грузов, в 1944 г. — 45,8%, до 20 сентября 1945 г. — 56,6%⁷¹. Для приема американских судов «Либерти» и других крупнотоннажных сухогрузов пришлось значительно расширить и реконструировать дальневосточные порты. В доставке грузов из США принимали участие суда, находившиеся в распоряжении Наркомата морского флота и Дальстроя НКВД СССР. Грузы поступали во Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Нагаево (Магадан), Николаевск-на-Амуре, Комсомольск-на-Амуре, Находку, Хабаровск и другие порты. Из портов Калифорнии через Тихий океан грузы доставлялись, как правило, транспортами, укомплектованными советскими гражданскими экипажами. Они шли под государственным флагом СССР. Опасностей было немало. В нейтральных и советских территориальных водах японскими кораблями было потоплено три транспорта — «Кола», «Ильмень», «Трансбалт», один рыболовный траулер по ошибке потоплен американскими подлодками. Характер грузов был различным, но главным образом ими являлись продовольствие, нефтепродукты, станки, технологическое оборудование. Транспорты шли без охраны, поодиночке. Подходы к морским базам СССР были заминированы, и корабли вели по фарватеру опытные лоцманы, постоянно находившиеся в военно-лоцманских пунктах (бухта Валентина — для проводки во Владивосток и в Советскую Гавань, бухта Ахомтен — для проводки в Петропавловск-Камчатский). В бухте Провидения формировались караваны для проводки сквозь льды Арктики. Через Тихий океан в 1944—1945 гг. приходили и американские корабли, переданные по ленд-лизу Военно-морскому флоту СССР. За годы войны по этой программе в состав Тихоокеанского флота было передано 277 боевых кораблей и судов. В Дальневосточное морское пароходство, Владивостокское арктическое морское пароходство, Главсевморпуть и Наркомат речного флота в военные годы из США поступило около 150 судов. Зимой их движение осложнялось из-за того, что незамерзающий Сангарский пролив был закрыт Японией для прохода советских судов. Оставались открытыми пути через пролив Лаперуза или через первый Курильский пролив, которые зимой покрывались льдом, а фарватер проходил среди японских укреплений. Поэтому часто суда шли на Камчатку и разгружались в Петропавловске-Камчатском.

Для доставки самолетов по воздуху из США в Советский Союз в 1942 г. была открыта трасса через Аляску и Восточную Сибирь. В общей сложности ее протяженность достигала 14 тыс. км. Авиатрассу предстояло проложить заново: в труднодоступных местах изыскивать площадки для аэродромов, доставлять строительные материалы, оборудовать жилые и служебные помещения, организовывать питание летного и технического состава (более 3 тыс. человек), завезти на аэродромы большое количество бензина, создать различные вспомогательные службы. Многие вопросы требовалось решать в короткие сроки. Хотя авиатрасса предназначалась для перегонки бомбардировщиков, переправлялись по ней в основном истребители. Ее строительством занимались управления Военно-воздушных сил, Гражданского воздушного флота и некоторые подразделения Наркомата обороны. Огромную помощь оказывали партийные, советские и комсомольские организации Якутска, Магадана, Анадыря, Киренска, Красноярска, Иркутска, Владивостока и других городов. С 7 октября

1942 г. авиатрасса уже использовалась по своему назначению: началась перегонка боевых самолетов с Аляски. Одновременно она достраивалась, совершенствовалась организация перелетов. Летчики США пилотировали самолеты до Фэрбенкса. На этой авиабазе находилась советская военная миссия по приемке самолетов. Ее летный и технический персонал при помощи специалистов с обеих сторон осваивал передаваемые самолеты.

Перегонку самолетов осуществляли эстафетным методом. Каждый авиаполк, входивший в дивизию специального назначения, работал только на своем участке трассы, старательно изучив его особенности. Передав самолеты в пункте назначения, летчики возвращались к месту базирования на закрепленных за полками транспортных самолетах. В Красноярске, конечном пункте авиатрассы, американские самолеты принимала созданная для этой цели комендатура Военно-воздушных сил Красной армии. Отсюда часть самолетов переправлялась на фронт по воздуху, как правило группами, в строю «клин». Из-за того, что зимой в Сибири морозы достигали 60 °С, а в районе Оймякона доходили до 70 °С, самолеты на аэродромах покрывались ледяной коркой. Масло и смазка становились твердыми как камень, резина — хрупкой, лопались шланги, выводя из строя тормоза и гидравлику. Ангаров не было, поэтому все работы выполнялись под открытым небом. Советские инженеры, техники и другие специалисты умудрялись с помощью простейших приспособлений ремонтировать, разогреть и отправлять в полет самолеты.

Вначале американцы поставляли самолеты, резина на которых не выдерживала даже слабых морозов. Наркомат внешней торговли СССР направил в США рецептуру отечественной морозостойкой резины. Рекомендации советской стороны были учтены. По-иному решился вопрос с серьезными дефектами на некоторых сериях истребителей «Эркобра»: при выполнении фигур высшего пилотажа фюзеляж самолета около хвостового оперения деформировался. Об этом сообщили фирме-поставщику «Белл», но та отказалась признать это серьезным дефектом. Посланный в США летчик-испытатель А. Г. Кочетков в присутствии специалистов фирмы убедительно доказал неисправность в конструкции машины. Из неуправляемой «Эркобры» ему пришлось выбраться с парашютом. В дальнейшем СССР получал только качественные самолеты. За время войны по трассе Фэрбенкс — Красноярск было переправлено 7925 самолетов. Это более 50% из 14 203 самолетов, поставленных из США в СССР. Напряженная деятельность этой авиатрассы продолжалась и после капитуляции Германии, когда Советский Союз, верный своему союзническому долгу, вступил в войну с Японией. Через некоторое время после ее окончания авиатрасса прекратила свое более чем трехлетнее существование.

Велико было значение и южного маршрута, который проходил за тысячи километров от северных морей. На юге шла напряженная работа сотен русских, американцев, англичан, иранцев, арабов, обеспечивавших перевозки в СССР через Иран. В СССР переправлялись самолеты, танки, автомобили, взрывчатые вещества, порох, а также авиационный бензин и другие необходимые фронту материалы. Силами английских и американских войск здесь в короткие сроки были капитально реконструированы иранские и иракские порты, улучшены железные и автомобильные дороги, построены авто- и авиасборочные заводы и площадки. По просьбе правительства СССР англичане доставили из Индии для Трансиранской железной дороги более 1 тыс. вагонов и 100 паровозов. Большую часть грузов перевозили морские суда в Персидский залив, в порты Абадан, Бендер-Шах, Пехлеви, Ноушехр, Хоррем-Шахр (Иран) и Басра (Ирак). Часть американских самолетов перегонялась по воздуху пилотами военно-транспортной авиации США по трансафриканскому направлению — через Америку, Атлантику и Африку⁷².

Для приемки собираемых в Иране и Ираке самолетов, а также перегонки их по воздуху в Советский Союз в Абадане была создана авиабаза, где совместно с советскими офицерами, сержантами и рядовыми работали иностранные военные и гражданские авиаспециалисты. Для технического осмотра самолетов и подготовки их к перелету в Советский Союз в Тегеране создали промежуточную авиабазу. В Азербайджанской ССР были оборудованы аэродромы, организованы занятия по обучению советских летчиков, инженеров и техников

боевому использованию американских и английских самолетов, налаживалось техническое обслуживание. Вначале самолеты в Абадане собирали англичане. В первых числах апреля 1942 г. британских специалистов из ВВС было 50 человек, а к концу апреля их стало около 200. В мае здесь помимо англичан работали свыше 350 американцев из авиакомпании «Дуглас». Результат не замедлил сказаться: к концу мая 1942 г. советские специалисты приняли несколько десятков самолетов. Правда, первоначально самолеты собирались недостаточно качественно, задерживались сроки их перегонки, в управлении авиабазой царил неразбериха. Все стало налаживаться после того, как в июле 1942 г. командующий вооруженными силами США на Ближнем Востоке генерал-майор Л. Х. Бреретон взял руководство авиабазой в свои руки. С 1 апреля 1943 г. организацией доставки, сборки и передачи Советскому Союзу самолетов всех типов стало заниматься военное командование США⁷³.

К осени 1943 г. на сборке и приемке самолетов в Абадане работали 165 советских авиаспециалистов: сборщики, электрики, радисты, вооруженцы, техники, летчики и другие. Количество собираемых машин возросло, улучшилась технология сборки. При приемке советские специалисты предъявляли довольно высокие требования. Так, из доставленных в течение второй недели марта 1943 г. в Абадан 90 самолетов в связи с дефектами было принято только 18. Качество военной техники было различным. Если самолет-истребитель «Эркобра» отвечал основным требованиям, то аналогичный ему по типу «Китихаук» имел слабые тактико-технические данные. По этому поводу И. В. Сталин писал Ф. Рузвельту: «...следует иметь в виду, что самолеты «Китихаук» не выдерживают борьбы с нынешними немецкими истребителями»⁷⁴. Советские летчики-испытатели, принимая самолеты от американцев, досконально проверяли каждую машину на всех режимах полета, работу мотора, показания приборов, производился и отстрел оружия, установленного на самолете. Если обнаруживался дефект, машины возвращались американским специалистам-сборщикам. Иногда такая процедура повторялась по нескольку раз, пока все требования советских инженеров и летчиков не были удовлетворены. Порой вскрывались очень серьезные дефекты. Например, от одной партии самолетов «Эркобра» пришлось полностью отказаться из-за их сильной вибрации в полете.

Да и танки часто доставлялись не полностью укомплектованными: без прицелов, без монтажно-ремонтного инструмента; ощущалась острая нехватка запасных частей. Советским представителям приходилось обращаться за помощью к американскому командованию. В своем послании И. В. Сталин сообщил Ф. Рузвельту в 1942 г.: «Считаю долгом предупредить, что, как утверждают наши специалисты на фронте, американские танки очень легко горят от патронов противотанковых ружей, попадающих сзади или сбоку. Происходит это от того, что высокосортный бензин, употребляемый американскими танками, образует в танке большой слой бензиновых паров, создающих благоприятные условия для загорания. Немецкие танки работают на бензине, но бензин у них низкосортный, не дающий большого количества паров, ввиду чего они гораздо меньше подвержены загоранию. Наиболее подходящим мотором для танков наши специалисты считают дизель»⁷⁵. Недостатки имели и боеприпасы, поставляемые с танками. В феврале 1943 г. в результате претензий советской стороны поставка большинства танков из США и Великобритании была прекращена. СССР согласился получать из США средние танки М4А2 «Шерман». Они были намного лучше: лобовая броня увеличена до 76 мм, бронеплиты сваривались, а не клепались, в башне была установлена 75-мм пушка (позднее 76-мм). Танк имел два пулемета калибра 7,62 мм и зенитный пулемет калибра 12,7 мм. Американцы отказались от высокооктанового топлива и перешли на дизельные двигатели.

В 1944 г. поставки вооружения через Иран в Советский Союз значительно увеличились, следовательно, ускорило поступление его на фронт. Воздушная трасса, по которой осуществлялась перегонка самолетов из Абадана в Тегеран, проходила над пустынной местностью и горами, где на благополучную посадку или приземление на парашюте летчику рассчитывать не приходилось. Несмотря на то что кислородного оборудования не было, полеты проводились на высоте 5 тыс. метров. А маршрут полета на трассе от Тегерана до Кировабада

проходил над районами Ирана, Каспийским морем и Кавказом. Когда из Великобритании стали поступать новые истребители «Спитфайр-5», а затем «Спитфайр-9», они, собранные английским персоналом на авиасборочной площадке в Шуайбе, перегонялись в Абадан английскими летчиками.

Своего пика поставки достигли в 1944 г.; почти 90% поставок были американскими. По официальным данным, США направили в СССР: в 1943 г. — 4,8 млн длинных тонн⁷⁶ грузов, в 1944 г. — 6,2 млн, в 1945 г. (по 20 сентября) — 3,7 млн. На последних этапах военная индустрия СССР обеспечивала массовое поступление техники на фронт, существенно изменилась ее структура, улучшилось качество выпускаемой продукции. По своим темпам и масштабам советское военное производство обогнало германское, было достигнуто военно-техническое превосходство над противником. В связи с этим уменьшилась потребность СССР в получении от Запада основных видов вооружения. Вместе с тем возросли запросы на промышленное и медицинское оборудование, транспортные средства. Поставки тракторов, железнодорожного и автомобильного транспорта оказали большое содействие как труженикам тыла, так и воинам Красной армии, преследовавшей отступавшего врага.

Значительную экономическую помощь Советскому Союзу оказала в годы войны Монгольская Народная Республика. С первых ее дней по всей стране развернулось движение в поддержку Красной армии. Например, рабочие кожевенного завода и суконной фабрики Улан-Батора отказались от очередного отпуска в 1941 г., а продукция, выпущенная за этот срок, пошла для нужд советских воинов. Все было подчинено интересам советско-германского фронта. Собирали денежные средства на приобретение теплых вещей и продовольствия, а также на создание фондов вооружения и помощи населению СССР, пострадавшему от войны. В действующую армию отправляли индивидуальные посылки. К апрелю 1943 г. из Монголии в Советский Союз было доставлено восемь эшелонов продовольствия и обмундирования; монголами были переданы десятки тысяч голов скота. На собранные населением МНР средства (только во Внешторгбанк поступило 2,5 млн тугриков, 100 тыс. долларов и 300 кг золота) были созданы танковая колонна «Революционная Монголия» из 32 боевых машин Т-34 и 21 танка Т-70, а также авиационная эскадрилья «Монгольский арат», прошедшие славный боевой путь. За годы войны Красная армия и народное хозяйство СССР получили от братской Монголии более 500 тыс. лошадей, что явилось большим подспорьем для воюющей страны⁷⁷.

Много лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, продовольствия и других товаров закупалось в Монголии, Китае и других государствах Юго-Восточной Азии, а особо дефицитные товары приобретались в нейтральных странах Западной Европы и в Латинской Америке.

Всего за годы войны в Советский Союз было доставлено около 18 млн тонн грузов различного назначения, в том числе 23,8% — через Персидский залив, 47,1% — через советский Дальний Восток, 2,5% — через советскую Арктику, 3,9% — через Черное море, 22,7% — через порты Северной России⁷⁸. Более четверти (свыше 4,5 млн тонн) составили продукты питания, металлы, в основном для авиастроения, и рельсы — 3,6 млн тонн. По указанным направлениям и через Аляску в 1941–1945 гг. в СССР из США, Англии и Канады поступило 22 206 (в том числе 14 203 из США) самолетов различных типов, 12 980 танков, 14 тыс. орудий, 427 386 грузовых автомобилей и 51 тыс. джипов, 6 135 638 винтовок и пулеметов, 8 тыс. тракторов и тягачей, 345 тыс. тонн боеприпасов, а также значительное количество промышленного оборудования, горючего и смазочных материалов, взрывчатых веществ, химического сырья и других материалов, столь необходимых для успешного ведения войны⁷⁹.

Какое же место занимают поставки по ленд-лизу в экономике Советского Союза военных лет? Каков вклад вооружений и других материалов, присланных союзниками, в достижение победы над врагом? Эти вопросы, возникавшие и в годы войны, и в первые послевоенные десятилетия, сохраняют свою актуальность и ныне. Чтобы объективно оценить роль ленд-лиза для СССР, большое значение имеют не только количественные показатели, но и такие критерии, как качество материалов и оборудования, своевременность доставки на фронт, их значимость и прочее. Тем более недопустимо измерять по одной и той же шкале ценностей поставки военных материалов (как бы СССР в них не нуждался) и жертвы советского народа,

который прокладывал путь к победе над общим врагом. В годы войны и после нее эту мысль не раз подчеркивали крупные государственные деятели США. «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте, — отмечал Г. Гопкинс, ближайший советник президента Ф. Рузвельта. — Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»⁸⁰. Государственный секретарь Э. Стеттиниус, оценивая роль ленд-лиза, писал: «За эту помощь русские уже заплатили цену, которая не поддается измерению в долларах или тоннах. Это миллионы нацистских солдат, убитых или взятых в плен, нацистские танки, превращенные в груды железного лома на поле боя, пушки и грузовики, брошенные отступающими германскими армиями»⁸¹. Пожалуй, лучше не скажешь.

И. В. Сталин писал в июле 1945 г. Г. Трумэну, что «соглашение, на основе которого Соединенные Штаты Америки на протяжении всей войны в Европе поставляли Советскому Союзу в порядке ленд-лиза вооружение, стратегические материалы и продовольствие, сыграло важную роль и в значительной степени содействовало успешному завершению войны против общего врага — гитлеровской Германии»⁸².

Документы и свидетельства, ставшие доступными в последние годы, дают возможность более объективно оценить роль ленд-лиза. Если общий объем поставок составлял 4% валового продукта народного хозяйства СССР⁸³, то по отдельным видам вооружений и оборудования, порой весьма ценного, он был намного выше. Так, самолетов всех типов по ленд-лизу поступило 15% всего самолетного парка. При этом бомбардировщики союзников составили 20%, а истребители — от 16 до 23%, самолеты морской авиации — около 29%. Причем большинство самолетов по своим летно-техническим характеристикам не уступали аналогичным типам люфтваффе⁸⁴. Танки союзников составили 12% от выпуска советских танковых заводов. И хотя по своим боевым качествам даже лучшие из них (например, М4А2 «Шерман») уступали таким советским танкам, как Т-34, КВ-1, ИС, первые партии, прибывшие в конце 1941 г. (501 танк), сыграли немалую роль. То было время, когда каждый танк, выходящий из ворот танковых заводов, был на специальном учете. Важными для Красной армии и народного хозяйства стали поставки автомобилей. Они придали Красной армии мобильность и подвижность, столь необходимые в наступательных операциях 1943–1945 гг.⁸⁵ Э. Стеттиниус, который возглавлял Управление по соблюдению закона о ленд-лизе, в своем труде «Ленд-лиз — оружие победы»⁸⁶ говорит, что к середине 1944 г. Советскому Союзу было поставлено 138 тыс. автомобилей⁸⁷. В военные годы существенную помощь по ленд-лизу получили и советский Военно-морской флот — 596 боевых кораблей и судов, или 22,3% от общего количества кораблей и судов, произведенных тогда отечественной промышленностью: 28 сторожевых кораблей (фрегатов), 89 тральщиков, 78 больших охотников за подводными лодками, 202 торпедных катера, 60 малых охотников (сторожевых катеров), 106 десантных судов и барж, 33 вспомогательных судна и баржи⁸⁸. Из них около 80% кораблей и судов приняли затем участие в боевых действиях против флотов Германии и Японии. Кроме того, в 1944 г. в счет репараций с Италии Великобритания передала в аренду ВМФ СССР линкор, девять эсминцев, четыре подводные лодки, а США — крейсер. Такие виды поступивших по ленд-лизу необходимых военной техники и оборудования, как десантные суда, неkontaktные тралы, некоторые образцы радиолокационных станций, гидроакустической аппаратуры, дизель-генераторов, аварийно-спасательной техники, в СССР не производились. Начиная с 1942 г. постройка отечественных боевых катеров (катеров-тральщиков, малых охотников и других, которые главным образом и выпускала в годы войны отечественная судостроительная промышленность) осуществлялась с помощью импортного оборудования (например, двигателей американской фирмы «Паккард»).

Немалое значение для ведения вооруженной борьбы имели поставленные союзниками мотоциклы, средства радио- и телефонной связи, автоматическое оружие и противотанковые ружья, боеприпасы, взрывчатые вещества, металлические сборно-разборные плиты для аэродромов и многое другое. Так, до 1944 г. СССР получил от США 189 тыс. полевых телефонов и свыше 670 тыс. миль кабеля, которого хватило бы, чтобы обернуть земной шар

27 раз. В первый, оборонительный период войны весьма ценными были поставки колючей проволоки (45 тыс. тонн, или 216 тыс. миль)⁸⁹.

Поступления по ленд-лизу вооружения, военного снаряжения, сравнительно небольшие в первый период войны, постепенно увеличивались. Выпуск оружия и военной техники отечественной промышленностью быстро рос. Опыт его использования на фронтах предъявлял новые требования к их количеству и качеству. Нарастание мощностей военной промышленности и обеспечивающих ее отраслей неизбежно вело к развитию энергетики, черной и цветной металлургии, химической промышленности, транспорта и других отраслей экономики. В связи с этим необходимы были и соответствующие станки, технологическое оборудование, приборы, которые в СССР если и производились, то в недостаточном объеме. Постепенно они начинали преобладать в ленд-лизских поставках. Пожалуй, трудно найти отрасль как военного, так и народно-хозяйственного предназначения, где бы в той или иной степени не использовались импортные материалы и оборудование. Так, металлорежущих станков поступило 44,6 тыс. единиц, то есть примерно 25% советского производства за 1942–1945 гг. (168,7 тыс. станков)⁹⁰. Уже среди первых поставок было много остродефицитного сырья и материалов для производства отечественного оружия и военной техники.

Особенно тяжелое положение в начале войны сложилось с производством артиллерийских боеприпасов и патронов к стрелковому оружию, а закупки их у союзников не удовлетворяли все возрастающие потребности фронта. В конце 1941 и начале 1942 г. были приняты меры для регулярных поставок из-за рубежа основных компонентов для взрывчатых веществ и порохов, оборудования для ежесуточного изготовления 10 млн штук 7,62-мм патронов, а также 500 станков для производства боеприпасов. Значительными были поставки различных видов импортного пороха.

Большое количество импортных материалов шло на развитие таких обеспечивающих отраслей военного производства, как автомобильная и химическая промышленность, приборостроение, радио- и телефонное производство. Они широко применялись для военного судостроения, расширения и восстановления морских и речных портов.

Нарастание собственного производства оружия и военной техники с использованием сырья и материалов, станков и оборудования, поступавших по ленд-лизу, сыграло, пожалуй, не меньшую роль, чем готовые американские и английские техника и оружие. Свою роль играл и обмен военно-технической информацией с союзниками в соответствии с американским законом о ленд-лизе. 19 октября 1942 г. было принято постановление ГКО «Об обмене с США и Великобританией военно-технической информацией». В соответствии с ним при Государственном Комитете Обороны была создана постоянная комиссия для руководства этой работой. В ее обязанности входили подготовка через соответствующие народные комиссариаты и другие ведомства запросов к США и Великобритании по военно-технической информации, представляющей для СССР интерес, обеспечение ее получения, контроль над использованием, а также организация предоставления со стороны СССР такого рода информации США и Великобритании. Несмотря на то что СССР, выполняя свой союзнический долг, передавал в США и Великобританию часть собственной военно-технической информации, получал он от них намного больше. В этом немалая заслуга принадлежит работникам правительственной закупочной комиссии (ПЗК) СССР в Вашингтоне и советского торгпредства в Лондоне.

Поставки в Советский Союз современных образцов военной техники, оружия и оборудования сами по себе уже являлись передачей военно-технической информации, что справедливо отмечали советские специалисты. Из-за рубежа поступала новейшая техническая документация в виде различных отчетов, докладов, описаний, инструкций, наставлений, бюллетеней, каталогов, чертежей и технических ордеров. Так, из Америки только по авиационной технике от инженеров ПЗК до конца 1945 г. СССР получил 11 313 различных инструкций (52 108 экземпляров). 89% экземпляров направляли в заинтересованные советские организации для ознакомления, использования и внедрения в советское производство⁹¹.

До сих пор малоизвестной стороной ленд-лиза остается его значимость для железнодорожного транспорта СССР. Союзники поставили 1981 паровоз и 11 156 железнодорожных вагонов различного назначения (в СССР за годы войны было построено 92 паровоза и более тысячи грузовых вагонов)⁹². Однако следует иметь в виду и следующее. Первый заказ на 200 паровозов советское правительство сделало лишь летом 1943 г. В СССР до войны было 25 тыс. локомотивов, 14% из них были потеряны в начале войны. Но и 40% железных дорог в европейской части страны оказалось на оккупированной врагом территории. Лишь в 1944 г. начались поставки самой крупной партии — 1600 паровозов. Они продолжали идти в СССР и после войны⁹³.

Большое количество поступающих из-за рубежа оборудования и материалов направлялось на развитие добывающих отраслей производства, для цветной и специальной металлургии. Они использовались для обогатительных фабрик свинцово-никелевых, оловянных, вольфрамowych, цинковых и других рудников.

Начиная с декабря 1942 г. в заявках СССР на поставку товаров по ленд-лизу стали преобладать средства производства и остродефицитные материалы, направляемые затем на восстановление производства в освобожденных от противника районах. Для возрождения угольных шахт, нефтепромыслов, электростанций, предприятий черной и цветной металлургии вместе с реэвакуацией части их оборудования завозили из США, Англии и Канады соответствующие станки и материалы. Всего с июня 1941 по сентябрь 1945 г. в СССР поступило 17,9 млн тонн различных грузов на сумму 9,8 млрд долларов⁹⁴, к месту назначения было доставлено 16,6 млн тонн (1,3 млн тонн составили потери при потоплении судов)⁹⁵. Наивысшего пика поставки импортных грузов достигли в 1944 г. Однако «первые поставки по ленд-лизу зимой 1941–1942 гг. достигли СССР очень поздно, в эти критические месяцы русские, и одни русские, оказывали сопротивление германскому агрессору на своей собственной земле и своими собственными средствами, не получая какой-либо заметной помощи со стороны западных демократий. К концу 1942 г. согласованные программы поставок в СССР были выполнены американцами и англичанами на 55%. В 1941–1942 гг. в СССР поступило всего 7% отправленных за годы войны из США грузов. Основное количество вооружения и других материалов было получено Советским Союзом в 1944–1945 гг., после коренного перелома в ходе войны». В самый тяжелый период войны, до конца 1941 г., в СССР по ленд-лизу из США пришли поставки всего на 545 тыс. долларов. При этом в том же 1941 г. общая помощь США странам Антигитлеровской коалиции в денежном выражении достигла 741 млн долларов, то есть Советскому Союзу в самое тяжелое время из этого потока досталось менее 0,1%⁹⁶.

Ухудшение отношений между западными державами и СССР, которое все явственнее просматривалось в конце войны в Европе, особенно после смерти Ф. Рузвельта (12 апреля 1945 г.), отразилось и на программе ленд-лиза. 11 мая 1945 г. президент США Г. Трумэн распорядился приостановить поставки для СССР. Советское правительство ответило на такой демарш нотой, в которой отмечалось, что СССР готов «принять к сведению» данное решение США, если американское правительство «не видит другого выхода»⁹⁷. После разгрома Японии поставки по ленд-лизу прекратились.

По признанию американцев, ленд-лиз приносил немалые выгоды самим США. «Поставками из СССР, — отмечал бывший министр торговли США Дж. Джонс, — мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами»⁹⁸. Ленд-лиз оказался источником обогащения американских монополий. Подводя итоги в своей книге, посвященной помощи Советскому Союзу в годы войны, американский историк Дж. Херринг пишет: «Ленд-лиз не был... самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»⁹⁹. Выгоды, очевидно, были немалые. И не только от ленд-лиза. Ведь единственной страной антигитлеровской коалиции, получившей весомый экономический выигрыш от войны, были США. Недаром в Соединенных Штатах минувшую войну часто называют «хорошей войной». И, видимо, не случайно автор труда «Хорошая война:

устная история Второй мировой войны» по этому поводу отмечает: «Почти весь мир во время этой войны испытал страшные потрясения, ужасы и был почти уничтожен. Мы же вышли из войны, имея в наличии невероятную технику, орудия труда, рабочую силу и деньги. Для большинства американцев война оказалась забавой... Я не говорю о тех несчастных, которые потеряли своих сыновей и дочерей. Однако для всех остальных это было чертовски хорошее время»¹⁰⁰. Если в 1940 г. в Америке было 8,1 млн безработных, то в 1942 г. — ни одного¹⁰¹.

Безусловно, сотрудничество в рамках ленд-лиза являлось немаловажным фактором в сближении народов, воевавших против фашистского блока. Экономическое взаимодействие явилось заметным моральным стимулом для советских людей в их борьбе с врагом. В своей книге «Курсом к победе» бывший нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов писал: «Команды английских или американских транспортов... являлись нашими искренними союзниками в борьбе с фашизмом... Им, нашим добрым друзьям, простым и отважным морякам, хочется отдать должное и сейчас»¹⁰². В России и странах ближнего зарубежья и поныне помнят ту помощь, которую оказывали населению американцы, англичане, канадцы. Известно, что в 1943 г. 10 млн американцев сделали немалые пожертвования из своих сбережений в пользу советского народа. Английский «Фонд помощи России» собрал значительные средства.

Нужно отметить, что, в свою очередь, Советский Союз по мере сил помогал своим партнерам по антигитлеровской коалиции. США получили из СССР 300 тыс. тонн хромовой руды, 32 тыс. тонн марганцевой руды, значительное количество платины, золота и прочего, на общую сумму 2,2 млн долларов¹⁰³.

Сотрудничество государств, организаций, тысяч простых людей, совместно работавших в рамках ленд-лиза, свидетельствовало о том, что, выступая против общего врага человечества — фашизма, люди, разделенные огромными расстояниями, океанами, морями и горными хребтами, хорошо понимали друг друга, верили, что, одолев фашизм, они обеспечивают мирную жизнь себе и грядущим поколениям.

Суд народов

Как известно, Акт о полной и безоговорочной капитуляции Германии был подписан в поместье Карлхорст под Берлином в ночь на 9 мая 1945 г. Документ, составленный на трех языках — русском, немецком и английском, — зафиксировал военный крах фашистской Германии во Второй мировой войне. Но победа была бы неполной, если бы те, кто развязал самую кровопролитную войну в истории человечества, кто стал виновником гибели миллионов ни в чем не повинных людей и принес миллионам других боль, горе и страдание, ушли бы от ответственности и заслуженного наказания. Было важно поставить заключительную точку, требовались не только политическое, общественное и морально-нравственное осуждение Германии и европейских стран-пособниц, но и международно-правовая оценка бесчеловечной политики и действий фашистских варваров XX в. Требовалось уголовное наказание виновных в развязывании агрессивной войны в мировом масштабе. Этой точкой стал Нюрнбергский судебный процесс.

Советский Союз, который понес самые тяжелые людские и материальные потери в результате германской агрессии, одним из первых предложил по завершении войны предать военных преступников международному суду, чтобы они понесли заслуженное наказание. Уже в заявлении наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова от 22 июня 1941 г. содержалась мысль об уголовной ответственности германской нацистской верхушки за развязывание кровопролитной войны¹⁰⁴. В дальнейшем советское правительство обнародовало целый ряд нот и заявлений, в которых развивалась идея о всей полноте ответственности германского правительства за варварские преступления нацистов и об обязательном осуждении и наказании военных преступников. В этих официальных документах подчеркивалось, что данные

преступления носят систематический характер и заранее спланированы и санкционированы германским правительством и военным командованием. Так, в ноте от 27 апреля 1942 г. заявлялось, что гитлеровская верхушка и ее пособники не уйдут от суровой ответственности и от заслуженного наказания за все их неслыханные преступления против народов СССР и против всех свободолюбивых народов¹⁰⁵.

Правительства США и Великобритании также считали, что главные виновники агрессии должны быть наказаны. Так, комментируя совместное англо-американское заявление от 25 октября 1941 г. об ответственности лидеров Германии за их злодеяния, президент США Ф. Рузвельт отметил, что зверства, которые творят германские военные в целях установления «нового порядка», «могут посеять только семена ненависти, которые в один прекрасный день приведут к суровому возмездию»¹⁰⁶. Английский премьер-министр У. Черчилль, вторя ему, подчеркнул, что «возмездие за эти преступления отныне должно стать одной из целей войны»¹⁰⁷.

Таким образом, идея наказания нацистских преступников в основном не вызывала особых споров. Главное состояло в том, что на первых порах союзные государства еще четко не определились с характером, формой и способом этого наказания, а впоследствии еще долго не удавалось достичь единства по вопросу его организации. Главы западных стран, прежде всего Великобритании, считали, что виновники войны должны быть наказаны быстро и решительно, вплоть до физического уничтожения, но без создания международного трибунала и проведения официального следствия и суда, а в результате лишь совместного политического решения.

В свою очередь, руководство Советского Союза почти сразу же отказалось от западной идеи возмездия без суда и следствия, что было бы похоже, скорее, на месть победивших, несправедливое судилище и быструю расправу, а не справедливый суд, призванный в мировом масштабе осудить и наказать главных нацистских преступников и показать преступную сущность гитлеровской человеконенавистнической идеологии — германского национал-социализма, сочетавшего в себе различные элементы фашизма, расизма и антисемитизма. Руководство СССР придерживалось мнения, что после окончания войны необходимо создать специальный международный трибунал и провести публичный процесс над главными военными преступниками.

Важным шагом на пути к созданию подобного трибунала стала Сент-Джеймская декларация о наказании военных преступников, опубликованная в Лондоне 13 января 1942 г., в которой представители девяти оккупированных нацистами стран: Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Чехословакии и Югославии, а также Национального комитета «Свободная Франция» заявили, что «наказание путем организованного правосудия тех, кто виновен и ответственен за эти преступления» (убийство военнопленных, насилие над мирным населением и прочее), «независимо от того, совершены ли последние по их приказу, ими лично или при их соучастии в любой форме, является одной из главных целей войны для стран, подписавших декларацию»¹⁰⁸. В документе подчеркивалось, что злодеяния, совершаемые оккупантами, находятся в противоречии с общепринятыми взглядами и законами цивилизованных народов относительно ведения войны. Эта декларация имела широкий резонанс, поскольку на Лондонской конференции 1942 г. при ее оглашении помимо представителей названных выше оккупированных стран присутствовали также и премьер-министр Великобритании, послы СССР, США и Китая при эмигрантских правительствах и официальные представители некоторых других государств.

Правительство СССР также неоднократно обнародовало ноты и заявления, в которых не только констатировало факты, свидетельствующие о кровавых зверствах нацистов, но и призывало к наказанию виновных. Так, 27 апреля 1942 г. НКВД СССР направил полномочным представителям всех стран, аккредитованных в Москве, ноту «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления»¹⁰⁹. Требование создать специальный Международный военный трибунал

для суда над руководителями нацистского режима содержалось и в заявлении советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы». В нем была выражена готовность всячески поддержать практические мероприятия союзных правительств, имеющие своей целью наказание нацистских преступников. Кроме того, в нем содержался призыв к взаимному содействию в розыске, выдаче, предании суду и суровому наказанию гитлеровцев и их пособников, виновных в организации, поощрении или совершении преступлений на оккупированных территориях. В отношении создания специального международного органа для наказания фашистских лидеров в этом заявлении говорилось следующее: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии»¹¹⁰.

По мере укрепления антигитлеровской коалиции возникли реальные предпосылки для сближения позиций основных стран ее участниц по вопросу наказания главных военных преступников. В ходе Московской конференции министров иностранных дел трех союзных держав (19–30 октября 1943 г.) в качестве приложения № 10 к секретному протоколу конференции от 1 ноября 1943 г. была принята Московская декларация «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» за подписями глав правительств США, СССР и Великобритании. Примечательно, что она была инициирована британским правительством. В ней устанавливалось, что «те германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их отвратительные действия, для того чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы»¹¹¹. В декларации от имени всех, на тот момент 32 стран Объединенных Наций, подписавших 1 января 1942 г. в Вашингтоне декларацию 26 государств, и тех, кто впоследствии к ней присоединился, содержалось предупреждение всем, кто еще мог избежать сурового наказания: «Пусть те, кто еще не обогрел своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей с тем, чтобы смогло совершиться правосудие»¹¹².

Декларация была опубликована как неразрывная часть всей программы совместных усилий союзников по разгрому фашизма и послевоенному устройству мира. Однако заметим, что в ней еще не шла речь о создании единого специального судебного органа, а предполагалось судить военных преступников в каждой пострадавшей от действий фашистов стране по ее законам. Кроме того, декларация не затрагивала вопроса о механизме наказания главных преступников, преступления которых не были связаны с определенным географическим местом.

СССР не отказался от мысли не просто наказать отдельных военных преступников, но и провести широкий публичный международный процесс с тем, чтобы осудить фашизм и агрессивный милитаризм в целом, поставив тем самым заслон на пути их возрождения и возникновения новых челоноконевнистических идеологий и планов, способных в будущем привести к новой, еще более ужасной войне. Следует отметить, что правительство Советского Союза, отстаивая свою точку зрения на проведение международного суда и наказание военных преступников, включило в соглашения о перемирии с Финляндией, Румынией и Болгарией пункты, предусматривающие сотрудничество правительств этих стран с советским главнокомандованием по задержанию лиц, обвиняемых в военных преступлениях, и суду над ними. В то же время оно добивалось того, чтобы нейтральные страны закрыли границы для военных преступников.

История создания Международного военного трибунала свидетельствует о постепенно возраставшей роли мирового общественного мнения, послужившего в итоге мощным толчком к проведению международного суда над главными военными преступниками. Потрясенные

Нюрнберг. Главный военный преступник Герман Геринг дает показания. Сентябрь 1946 г.

Нюрнберг. Скамья подсудимых. 1946 г.

кровавыми злодеяниями германского фашизма и не желавшие оставлять эти чудовищные преступления без наказания, народы мира выступали с требованием сурово наказать военных преступников. Наибольшую активность в этом вопросе проявляли народы стран, испытавших не себе весь ужас и тяготы немецкой оккупации: Советского Союза, Польши, Чехословакии, Франции, Норвегии, Бельгии и других. В этих государствах общественное мнение было единодушно: военные преступники должны понести заслуженное наказание; нельзя допустить повторения опыта Первой мировой войны в отношении виновных в ее развязывании; необходимо, не дожидаясь окончания войны, приступить к выработке механизма проведения международного судебного процесса по делу фашистских преступников.

В странах, не испытавших всех ужасов немецкой оккупации, к которым принадлежали также США и Великобритания, общественное мнение не было столь однозначным. Политические деятели, стремившиеся в свое время к сотрудничеству с гитлеровской Германией, не ушли с политической арены, хотя их влияние было серьезно подорвано. Однако со временем большинство политических деятелей западных государств осознали, что нельзя игнорировать тот бесспорный факт, что действия германских нацистов вызвали острое неприятие, справедливое возмущение и резкое осуждение практически у всех народов мира. Они также понимали, что германский фашизм и его преступления представляют серьезную опасность для их собственных стран. Общественное мнение, требовавшее открытого судебного разбирательства и сурового наказания инициаторов и преступников агрессивной войны, постепенно возобладало и в западных ведущих державах — США и Великобритании. К концу 1944 г. эта точка зрения нашла поддержку у влиятельных государственных и политических деятелей в США: военного министра Г. Стимсона, генерального прокурора Ф. Биддл, нового государственного секретаря Э. Стеттиниуса, советника президента С. Розенмана, судьи верховного суда США Ф. Франкфуртера, а затем и американского президента Ф. Рузвельта, а после его смерти в апреле 1945 г. и его преемника Г. Трумэна. Дольше всех не желал соглашаться с идеей проведения открытого международного суда над главными военными преступниками У. Черчилль. Он считал, что суд над нацистскими лидерами после окончания войны был бы «фарсом»: с ними нужно обращаться как с людьми, объявленными вне закона. Так, в ходе обсуждения Московской декларации в 1943 г. британский премьер-министр, по свидетельству Г. Трумэна, пытался убедить главу советского правительства в единственно правильном, по его мнению, решении: расстрелять главных военных преступников без суда¹³. Он оставался противником проведения международного судебного процесса по делу главарей Третьего рейха до самого конца войны. «Казните главных преступников как людей, объявленных вне закона», — призвал У. Черчилль в апреле 1945 г., менее чем за три недели до того, как А. Гитлер покончил с собой¹⁴. И только под нажимом союзников по антигитлеровской коалиции британский премьер-министр вынужден был уступить и согласиться на создание международного трибунала.

Принципы Московской декларации 1943 г. были развернуты в постановлениях Крымской (Ялтинской) конференции глав трех держав антигитлеровской коалиции (4–11 февраля 1945 г.), провозгласивших своей целью уничтожение германского милитаризма и нацизма. Конференция большой тройки, ставшая кульминационной вершиной союзнических отношений стран-антифашистов, была нацелена на разработку наиболее важных проблем послевоенного мирного урегулирования, на решение вопроса: «Как создать такой мир, где катастрофы, подобные Второй мировой войне, стали бы невозможны?». Одной из важнейших составляющих ответа на этот многомерный вопрос была организация суда над главными виновниками агрессии, фашизмом и милитаризмом в целом. В итоговом коммюнике конференции говорилось о решимости ее участников «подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию»¹⁵.

На Берлинской (Потсдамской) конференции, состоявшейся уже после победы над нацистской Германией (17 июля — 2 августа 1945 г.), главы трех государств-победительниц — СССР, Великобритании и США — еще раз подтвердили это решение: «Военные преступники и те, кто участвовал в планировании или осуществлении нацистских мероприятий, влекущих

за собой или имеющих своим результатом зверства или военные преступления, должны быть арестованы и преданы суду. Нацистские лидеры, влиятельные сторонники нацистов и руководящий состав нацистских учреждений и организаций и любые другие лица, опасные для оккупации и ее целей, должны быть арестованы и интернированы»¹¹⁶. Таким образом, на этой конференции были конкретизированы подходы к вопросу о том, кого необходимо привлечь к суду. Правительства трех держав окончательно подтвердили свои намерения предать главных военных преступников «скорому и справедливому суду»¹¹⁷. Это твердое решение отражало вполне обоснованные чаяния народов, пострадавших в ходе войны, наказать виновников бесчеловечных злодеяний.

В ходе дальнейших переговоров в Лондоне между официальными представителями правительств СССР, США, Великобритании и временного правительства Франции (28 июня — 8 августа 1945 г.) странам антигитлеровской коалиции удалось найти компромиссные решения по всем оставшимся спорным вопросам относительно механизма наказания главных виновников агрессии. 8 августа, в последний день конференции, главы четырех держав подписали окончательное соглашение «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси». Оно включало в себя решение об учреждении Международного военного трибунала (МВТ) для суда над главными военными преступниками, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, а также его устав. Кроме того, предусматривалось создание Комитета по расследованию дел и обвинению главных военных преступников, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, в который должны были войти по одному представителю от правительств СССР, США, Англии и Франции.

К указанному соглашению присоединились 19 других государств, входящих в Объединенные Нации: Австралия, Бельгия, Венесуэла, Гаити, Голландия, Гондурас, Греция, Дания, Индия, Люксембург, Новая Зеландия, Норвегия, Панама, Парагвай, Польша, Уругвай, Чехословакия, Эфиопия, Югославия. Вот почему Нюрнбергский процесс получил неофициальное название и вошел в историю как «Суд народов». Присоединившиеся государства имели право направлять на международный судебный процесс своих уполномоченных для подготовки материалов обвинения, однако представлять их суду они могли лишь через обвинителей от четырех держав. СССР поддержал просьбу правительств Польши, Чехословакии и Югославии разрешить их уполномоченным представлять доказательства преступлений против их стран непосредственно трибуналу. Однако делегаты от США и Великобритании были против.

Совместно разработанное в Лондоне соглашение отразило согласованную позицию всех 23 стран, участвовавших в конференции. Устав, приложенный к соглашению, определил организацию, юрисдикцию и функции МВТ. Вне всякого сомнения, это была наиболее успешная совместная акция союзников в области международного права и крупная веха в становлении международного уголовного права. В ходе разработки устава были объединены нормы и институты совершенно разных правовых систем.

На основе разработанных на Лондонской конференции подходов и принципов уже 8 августа 1945 г. был составлен первый список обвиняемых. К сожалению, в него не могли быть включены имена главарей нацистской верхушки — А. Гитлера, Й. Геббельса и Г. Гимmlера, поскольку к тому времени их уже не было в живых, и этот факт нашел убедительное подтверждение специалистов. Но для М. Бормана, которого союзники не нашли, но не были твердо уверены, что он погиб или покончил с собой, было сделано исключение: он обвинялся заочно. 29 августа был опубликован дополненный список главных военных преступников, состоявший из имен 24 основных нацистских политиков, идеологов, военных и промышленников.

Первое организационное заседание МВТ состоялось в Берлине 9 октября 1945 г. Спустя полтора месяца, 20 ноября 1945 г., в 10 часов утра во Дворце юстиции небольшого германского городка Нюрнберга открылся международный судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников европейских стран оси Рим — Берлин — Токио. Этот баварский

город был выбран не случайно: он многие годы являлся цитаделью и идеологическим центром нацизма, невольным свидетелем съездов национал-социалистской партии и парадов штурмовых отрядов. Немаловажным для выбора места проведения такого масштабного и длительного судебного процесса стал и тот факт, что в Нюрнберге не было целиком разрушенных районов, как в Берлине и других городах. Здесь сохранились здания, необходимые для суда и временной тюрьмы, помещения для членов трибунала, его аппарата, свидетелей, представителей прессы и общественности.

Нюрнбергский процесс осуществлял Международный военный трибунал — международный судебный орган по преследованию и наказанию главных военных преступников Второй мировой войны 1939–1945 гг. Трибунал был облечен властью судить и наказывать лиц, которые совершили преступления, квалифицированные как таковые в Уставе МВТ. Устав также предусматривал, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации трибунал может признать, что эта группа или организация является преступной.

Устав МВТ был разработан в соответствии с нормами и принципами международного права, установленными и освещенными Гаагской конвенцией 1907 г., Статутом Лиги Наций и Версальским договором 1919 г., постановлениями Вашингтонской конференции 1922 г., Женевским протоколом 1924 г. о мирном разрешении споров, общим договором об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 г. (Парижский пакт, или пакт Бриана — Келлога), Женевской конвенцией 1929 г. и рядом других международно-правовых актов. Во всех этих документах были реализованы так называемые общепризнанные принципы права с учетом общечеловеческих ценностей, которые человечество выработало в процессе своего исторического развития и которые остаются неизменными, невзирая на национальные, территориальные и социально-политические различия. Так, ни одно цивилизованное государство, например, не может считать естественным убийство или ограбление. Общественное мнение всегда осуждает грабежи и убийства, если даже режим правящей уголовщины фашистского типа цинично утверждает «полезность» лишения жизни каких-либо групп людей¹¹⁸. Все перечисленные международные документы ввели определенные правила ведения войны, установили, что в ходе войны убийство военнопленных и мирных граждан, истязания или увод в рабство, насилие, грабеж и тому подобные действия являются преступлениями. Однако в них не были указаны санкции, грозящие за развязывание агрессивной войны и другие связанные с ней кровавые преступления. Этот пробел восполнил Устав Международного военного трибунала.

В Уставе МВТ были даны четкие, обобщенные определения тягчайших международных преступлений против человечества, которые уже квалифицировались международным правом как преступления до Второй мировой войны, и сформулированы принципы индивидуальной уголовной ответственности за эти преступления. Устав закрепил международно-правовую квалификацию агрессии как преступления и зафиксировал уголовную ответственность лиц, развязавших ее. Важно подчеркнуть, что значение документов, разработанных на Лондонской конференции, выходит далеко за рамки одного лишь Нюрнбергского процесса. На их основе были разработаны основные документы для проведения Токийского и Хабаровского процессов по делу японских военных преступников в 1946–1949 гг. И сегодня, как и в первые послевоенные годы, эти принципы продолжают играть важную роль в вопросе наказания преступлений против человечества, кем бы эти преступления ни совершались.

На том этапе, сразу после окончания войны, было необходимо всенародно, в мировом масштабе признать нацистский режим и его главных лидеров виновными в развязывании агрессивной войны практически против всего человечества, принесшей ему чудовищное горе и невыразимые страдания. Жестко осудить нацизм и в целом фашизм значило покончить с одной из угроз, способной в будущем привести к новой мировой войне.

Организация и юрисдикция Международного военного трибунала были определены его уставом, составлявшим неотъемлемую часть Лондонского соглашения от 8 августа 1945 г. Главная цель учреждения МВТ была изложена в статье 1 его устава: «...для справедливого

и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси»¹¹⁹. Трибунал имел право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси индивидуально или в качестве членов организации, совершили преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

В состав трибунала вошли судьи (по одному представителю от четырех государств-учредителей), их заместители и главные обвинители. Судьями и их заместителями были назначены: от СССР — И. Т. Никитченко и А. Ф. Волчков; от США — Ф. Биддл и Д. Паркер; от Великобритании — Д. Лоренс (члены МВТ избрали его председательствующим) и Н. Биркетт; от Франции — А. Доннадье де Вабр и Р. Фалько. Был создан Комитет главных обвинителей для согласования плана индивидуальной работы каждого из них и окончательного определения лиц, подлежащих суду МВТ, а также для составления рекомендаций трибуналу. На комитет возлагалось расследование дел главных преступников и их обвинение. Его возглавлял председатель, выбираемый из числа главных обвинителей в соответствии с принципом очередности. В Комитет главных обвинителей были назначены: от СССР — государственный советник юстиции 2-го класса, прокурор Украинской ССР Р. А. Руденко, от США — член федерального верховного суда (бывший помощник президента Ф. Рузвельта) Р. Х. Джексон, от Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии — адвокат Королевской скамьи, член палаты общин английского парламента сэр Х. Шоукросс, от Французской Республики — министр юстиции Ф. де Ментон, которого затем сменил О. Шампетье де Риб. Комитет главных обвинителей установил окончательный список лиц, которые в качестве главных военных преступников должны были предстать перед МВТ, и утвердил текст обвинительного заключения, на основании которого обвиняемые предавались суду. Мировая печать, комментируя обвинительное заключение, отмечала, что этот документ составлен от имени «оскорбленной совести человечества», что это не «акт мести, а торжество справедливости», перед судом предстанут не только главари нацистской Германии, но и вся система фашизма.

В качестве подсудимых оказались 24 обвиняемых — почти вся правящая верхушка Третьего рейха, включавшая высших государственных, партийных и военных деятелей, дипломатов, крупных банкиров и промышленников: Г. Геринг, Р. Гесс, И. фон Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, В. Функ, К. Дёниц, Э. Редер, Б. Ширах, Ф. Заукель, А. Йодль, А. Зейсс-Инкварт, А. Шпеер, К. Нейрат, Г. Фриче, Г. Шахт, Р. Лей (повесился в камере до начала процесса), Г. Крупп (был признан неизлечимо больным, его дело было приостановлено), М. Борман (осужден заочно, так как скрылся и не был найден) и Ф. фон Папен. Как уже упоминалось, не было в зале суда только самых высокопоставленных главарей нацизма — А. Гитлера, Й. Геббельса и Г. Гимmlера. Обвиняемые являлись участниками всех крупных внутри- и внешнеполитических, а также военных событий с момента прихода А. Гитлера к власти. Поэтому «суд над ними был судом над режимом в целом, над целой эпохой, над всей страной»¹²⁰. При этом важно подчеркнуть, что судьи не стремились обвинить весь народ Германии, а, наоборот, их целью было «защитить его и дать ему возможность реабилитировать себя и завоевать уважение и дружбу всего мира»¹²¹.

Характеризуя отличительную особенность Нюрнбергского процесса, главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко в своей вступительной речи подчеркнул, что это был первый случай в истории, когда «перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений»¹²². Кроме того, он сказал, что впервые в лице подсудимых трибунал судил «преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества»¹²³.

Во вступительной речи на первом заседании суда председательствующий лорд-судья Д. Лоренс также подчеркнул уникальность процесса и его «общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре»¹²⁴. Именно поэтому на членах международного суда лежала огромная ответственность, и они должны были «честно и добросовестно выполнять

свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и справедливости»¹²⁵.

Трибунал рассмотрел также вопрос о признании преступными руководящий состав национал-социалистской партии (НСДАП), ее штурмовые (СА) и охранные (СС) отряды, службу безопасности (СД) и государственную тайную полицию (гестапо), а также правительственный кабинет, генштаб и верховное командование (ОКВ). Все преступления, совершенные фашистами во время войны и влекущие за собой индивидуальную ответственность, в соответствии с Уставом Международного военного трибунала были подразделены на несколько групп¹²⁶. Во-первых, это преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны либо войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий. Во-вторых, военные преступления, а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания либо увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства либо истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; захват общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью; другие преступления. В-третьих, преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, либо преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет. Преступления против человечности занимали особое место в судебном разбирательстве и вызывали особое неприятие, гнев и осуждение среди прогрессивной части всего человечества. Наибольшие людские и материальные потери от этой категории преступлений понесли славянские народы, прежде всего Советский Союз и Польша, и представители еврейской национальности. Нацисты подвергли эти народы настоящему геноциду, стремясь к полному их уничтожению. Когда во время судебного разбирательства спросили свидетеля Э. фон Бах-Зелевского, как могло случиться, что О. Олендорф¹²⁷ с находившимися под его командой людьми убил 90 тыс. человек, он ответил: «Я лично считаю, что, когда в течение... десятилетий проповедуется доктрина о том, что славянская раса является низшей расой, а евреи даже не являются людьми, подобный результат неизбежен»¹²⁸.

В Уставе МВТ впервые была определена личная ответственность за все указанные преступления. В статье 6 было зафиксировано, что «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана»¹²⁹. Статьей 7 определялось, что «должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания»¹³⁰. Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождал его от ответственности, но мог рассматриваться как довод для смягчения наказания, если трибунал признал бы, что этого требуют интересы правосудия.

Впервые в истории Уставом МВТ был зафиксирован принцип о возможности признания преступной организации или группы: «При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией»¹³¹.

Уникальность процесса состояла в том, что он был построен на сочетании процессуальных норм всех представленных в МВТ государств. На Нюрнбергском процессе впервые удалось органически соединить и претворить на практике процессуальные нормы англо-амер-

риканской и континентальной (европейской) системы уголовного процесса, которые имеют существенные отличия. Все решения принимались большинством голосов, а при разделении голосов поровну голос председательствующего являлся решающим. При этом оговаривалось, что для признания виновности и определения наказания во всех случаях необходимо большинство голосов, не менее трех членов трибунала (пункт «в» статьи 4 Устава МВТ).

Трибунал, заседавший почти год, проделал колоссальную работу. В ходе процесса состоялось 403 открытых судебных заседания, были допрошены 33 свидетеля обвинения и 61 свидетель защиты, еще 143 свидетеля защиты дали письменные показания. Трибунал заслушал 22 свидетеля, в целом было рассмотрено свыше 300 тыс. устных и письменных показаний и около 3 тыс. документов, включая фото- и кинообвинения¹³².

В Уставе МВТ (статья 21) содержалась специальная норма о бесспорных доказательствах: «Трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные документы и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений»¹³³. В Советском Союзе подобная Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР была учреждена указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. и активно действовала на протяжении всей войны. Особое значение в качестве доказательной базы и для вынесения приговора имели официальные документы германских министерств и ведомств, верховного командования вермахта, генштаба, военных концернов и банков, материалы из личных архивов. Некоторые из этих документов «были обнаружены в соляных копиях, зарытыми в земле, спрятанными за ложными стенами» и в других труднодоступных местах¹³⁴. Совершенно очевидно, что если бы Германия выиграла войну или если бы конец войны не был таким стремительным и сокрушительным, то все эти документы (многие с грифом «совершенно секретно») скорее всего, остались бы навсегда скрыты от мира.

В руках судей и обвинителей оказались неоспоримые доказательства преступных замыслов и кровавых злодеяний нацистов. Широкая гласность стала одним из основных принципов процесса: для присутствия в зале суда было выдано более 60 тыс. пропусков, заседания велись одновременно на четырех языках (английском, русском, французском и немецком), прессу и радио представляли около 250 журналистов.

Обвинения в неправомерности и юридической несостоятельности Нюрнбергского процесса, возникшие спустя годы после его проведения, и утверждения, что это был не справедливый суд, а «скорая расправа» и «месть» победителей, полностью несостоятельны. Всем подсудимым уже 18 октября 1945 г., то есть более чем за месяц до начала судебного разбирательства, было вручено обвинительное заключение с тем, чтобы они могли подготовиться к защите. В соответствии со статьями 16 и 23 Устава МВТ подсудимые, находившиеся в заключении, имели право либо самостоятельно выбрать себе защитников, либо, по их желанию, защитников мог назначить трибунал. В ходе процесса интересы обвиняемых представляли 27 адвокатов и 54 их помощника. Обвинители предоставляли подсудимым и защите копии всех документальных доказательств на немецком языке, оказывали адвокатам помощь в розыске и получении необходимых документов, доставке свидетелей, которых желали вызвать защитники. Таким образом, в интересах справедливого суда с самого начала был взят курс на строжайшее соблюдение прав подсудимых. Однако обвиняемые и их адвокаты с самого начала процесса взяли курс на то, чтобы доказать юридическую несостоятельность Устава МВТ и процесса в целом. Стремясь избежать неотвратимого наказания, они пытались переложить всю ответственность за совершенные преступления на А. Гитлера, СС и гестапо, всячески пытались обелить себя и выдвигали встречные обвинения в адрес стран — учредителей трибунала. Ни у одного из них не возникло ни малейших сомнений в своей полной невиновности.

После кропотливой, скрупулезной работы с 30 сентября по 1 октября 1946 г. был оглашен приговор МВТ. В нем были проанализированы основные принципы международного права, нарушенные нацистской Германией, аргументы сторон, дана картина преступной деятельности фашистского государства на протяжении более чем 12 лет его существования. Трибунал признал всех подсудимых (за исключением Г. Шахта, Г. Фриче и Ф. фон Папена) виновными в осуществлении заговора в целях подготовки и ведения агрессивных войн, а также в совершении бесчисленных военных преступлений и тягчайших злодеяний против человечности. К смертной казни через повешение были приговорены 12 нацистских преступников: Г. Геринг, И. фон Риббентроп, В. Кейтель, Э. Кальтенбруннер, А. Розенберг, Г. Франк, В. Фрик, Ю. Штрейхер, Ф. Заукель, А. Йодль, А. Зейсс-Инкварт, М. Борман (заочно). Остальные семь получили различные сроки тюремного заключения: Р. Гесс, В. Функ, Э. Редер — пожизненно, Б. Ширах и А. Шпеер — 20 лет, К. Нейрат — 15 лет, К. Дёниц — 10 лет. Кроме того, трибунал признал преступными руководящий состав национал-социалистической партии, а также СС, СД и гестапо.

Важно подчеркнуть, что МВТ осудил не просто «дисциплинированных вояк» и чиновников, «всего-навсего выполнивших свой долг», а людей, для которых мораль и нравственность были лишь отвлеченными понятиями, которые считали войну естественной «формой существования» и которые так и не извлекли «уроков из опыта поражения в одной из них». В заключительной речи главный обвинитель от Великобритании Х. Шоукросс подчеркнул: «Не подлежит сомнению, что подсудимые принимали участие и несут моральную ответственность за преступления, столь ужасающие, что саму мысль о них воображение отказывается постичь»¹³⁵.

Весьма примечательно, что на вопрос, заданный в самом начале процесса: «Признаете ли вы себя виновными?», все обвиняемые, как один, ответили отрицательно. Многие из них оправдывали свои чудовищные злодеяния «любовью к своему народу» и «чувством долга». Так, Г. Геринг в предоставленном ему последнем слове заявил: «Я отвечаю за то, что сделал. Я, однако, самым решительным образом отмечаю то, что мои действия диктовались волей и стремлениями поработать чужие народы путем войны, убивать, грабить, совершать зверства или преступления. Единственное, чем я руководствовался, это любовь к своему народу, мечты о его счастье, свободе и его жизни! В качестве свидетелей я призываю мой немецкий народ и всемогущего Бога»¹³⁶. Р. Гесс также ни в чем не раскаивался: «Я счастлив сознанием, что выполнил свой долг в качестве национал-социалиста, в качестве верного последователя фюрера. Я ни о чем не сожалею. Если бы я опять стоял у начала моей деятельности, я опять-таки действовал бы так же, как действовал раньше, даже в том случае, если бы знал, что в конце будет зажжен костер, на котором я сгорю»¹³⁷.

Член МВТ от СССР генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко в Особом мнении от 1 октября 1946 г. заявил о несогласии с оправдательным приговором в отношении подсудимых Г. Шахта, Ф. фон Папена, Г. Фриче и высказался за смертную казнь в отношении Р. Гесса, заместителя А. Гитлера по руководству нацистской партией. Он также выразил несогласие с решением суда о непризнании преступными организациями правительственного кабинета Германии, высшего командования вермахта (ОКВ) и генерального штаба. И. Т. Никитченко привел аргументированные доказательства в пользу своей позиции¹³⁸. Особое мнение было оглашено в суде и приобщено к приговору. Примечательным было то, что в самой Германии прошли митинги в поддержку Особого мнения советского члена суда. Например, на демонстрацию в Лейпциге вышли 100 тыс. человек, многие из которых несли лозунги «Смерть военным преступникам!»¹³⁹.

Бесспорным представляется то, что в ходе процесса был вынесен приговор не только нацистским главарям, но и их бесчеловечной идеологии — национал-социализму и фашизму с их агрессивной, человеконенавистнической сущностью. По словам Х. Шоукросса, «в течение долгих месяцев трибунал расследовал факты и теперь должен применить закон» не только для того, чтобы совершить правосудие над группой военных преступников, но «оповестить мир о том, что в конце концов право силы будет уничтожено и закон и справедливость бу-

дут руководить отношениями между государствами, потому что решения этого суда выйдут далеко за рамки наказания двадцати с лишним виновных»¹⁴⁰.

В ходе процесса осуждению подвергся и воинствующий германский милитаризм, который был «сердцевиной нацистской партии настолько же, как и сердцевиной вооруженных сил»¹⁴¹. Германский милитаризм с приходом национал-социалистов к власти пронизал все немецкое общество, все сферы его деятельности: политическую, военную, социальную, экономическую. Милитаристски настроенные германские лидеры проповедовали и практиковали культ вооруженной силы. Они сами получали удовольствие от войны и стремились привить такое же отношение своей «пастве». Но германский милитаризм нес с собой не только открытую, но и скрытую опасность. Она заключалась в том, что необходимость противодействия злу также с помощью силы и оружия, со стороны народов, ставших мишенью фашистской агрессии, могла рикошетом ударить по ним самим. В связи с этим заместитель главного обвинителя от Великобритании Д. Максвелл-Файф в своей речи воскликнул: «Мы стремимся защитить не только германский народ. Вся Европа нуждается в защите!»¹⁴².

Ходатайства осужденных военных преступников о помиловании были отклонены Контрольным советом по Германии, и в ночь на 16 октября 1946 г. приговор о смертной казни приведен в исполнение. Незадолго до этого Г. Геринг покончил жизнь самоубийством.

Осужденные на тюремное заключение главные нацистские преступники отбывали наказание в международной тюрьме Шпандау для военных преступников, расположенной в районе Западного Берлина; кроме них, там больше не было никаких других заключенных. Выбор тюрьмы был весьма символичным: начиная с 1933 г. это был сборный пункт политзаключенных перед отправкой в концлагеря, место истязаний немецких борцов с нацизмом и тысяч невинных жертв. Тюрьма управлялась представителями четырех держав-победительниц: СССР, США, Великобритании и Франции. Ее охрану осуществлял караул от этих же стран. Смена командования тюрьмой и охраны от каждой из оккупационных стран происходила ежемесячно. Служебный персонал внутри тюрьмы состоял из лиц мужского пола из стран, являвшихся членами Объединенных Наций. Установленный раз и навсегда распорядок дня тщательно соблюдался: в 6 часов подъем, в 22 часа отбой. Все финансовые расходы, составлявшие 850 тыс. марок в год, нес сенат Западного Берлина¹⁴³. Таким образом, в тюрьме Шпандау содержались семь нацистских преступников, четверо из которых отбыли свои сроки полностью. В 1954 г., отсидев семь лет из пятнадцати, ввиду состояния здоровья союзными властями был помилован 81-летний К. Нейрат. В 1955 г., после девяти лет тюрьмы, ввиду возраста и плохого состояния здоровья был досрочно освобожден имевший пожизненное заключение 80-летний Э. Редер. В 1956 г., полностью отсидев десять лет, вышел на свободу К. Дёниц. В 1957 г., после одиннадцати лет из пожизненного срока, по состоянию здоровья был освобожден В. Функ. В 1966 г., полностью отбыв 20-летний срок заключения, освободились А. Шпеер и Б. Ширах. После этого в тюрьме остался единственный заключенный, приговоренный к пожизненному заключению, — Р. Гесс. 17 августа 1987 г. тюрьма Шпандау опустела: последний ее узник, 93-летний Р. Гесс, покончил жизнь самоубийством. Хотя существуют версии, никем, однако, официально не подтвержденные, о том, что его убили, и это убийство напрямую связано с полетом Р. Гесса в Англию в мае 1941 г. Англичане обещают рассекретить архивы по этому делу в 2017 г. Ждать осталось недолго, и, может быть, после раскрытия этой тайны мы сможем добавить новые страницы в военно-исторические исследования. Тюрьму снесли, а на ее месте построили современный торговый центр. Сделано это было преднамеренно, чтобы лишить неонацистов последнего фетиша и возможности собираться у его стен.

По приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока семь японских главных военных преступников, в том числе бывшие премьер-министры Х. Тодзио и Х. Хирота и военный министр С. Итагаки, были казнены; 16 человек, в том числе бывшие премьер-министры К. Хиранума и К. Койсо, военный министр С. Араки и командующий Квантунской группировкой японских войск Ё. Умедзу, были приговорены к пожизненному заключению, бывший министр иностранных дел С. Того — к 20 годам, бывший министр

иностранных дел М. Сэгемицу — к семи годам лишения свободы. Различным наказаниям по суду подверглись и многие другие военные преступники.

Вслед за международными Нюрнбергским и Токийским процессами вплоть до 1949 г. было проведено еще 12 судебных процессов, на которых рассмотрены преступления более чем 180 нацистских руководителей, большинство из которых также понесли наказание. Военные трибуналы, проходившие после войны в других городах и странах, осудили в общей сложности более 76,5 тыс. нацистов и их пособников. Однако из них в ФРГ, где, даже по официальным данным, в совершении нацистских преступлений подозревались свыше 90 тыс. человек, были осуждены лишь около 7 тыс.¹⁴⁴ А в отношении других более чем 7 тыс. должностных лиц из имперского управления безопасности СС, которое возглавлял Э. Кальтенбруннер, в ФРГ вообще не проводилось никаких расследований¹⁴⁵.

Розыск военных преступников продолжается: ООН приняла решение не принимать во внимание срок давности для нацистских преступников. Только в 1960–1970-е гг. были найдены, арестованы и осуждены десятки и сотни нацистов. Так, например, на основе материалов Нюрнбергского процесса были привлечены к суду и приговорены к смертной казни нацистские преступники, особенно отличившиеся своей жестокостью на оккупированных территориях: в 1959 г. — Э. Кох (в Польше) и в 1962 г. — А. Эйхман (в Израиле).

Оценивая значимость Нюрнбергского и Токийского процессов, следует признать, что это самые крупные, значительные, уникальные и по сей день самые изучаемые международные судебные процессы XX в. Сегодня, спустя годы после их окончания, отчетливо видно, какую огромную роль они сыграли в историческом, юридическом, общественно-политическом и нравственном планах. Нюрнбергский процесс стал историческим событием, прежде всего как торжество Закона над нацистским беззаконием. Он разоблачил человеконенавистническую сущность германского фашизма, его планы уничтожения целых государств и народов, его запредельную бесчеловечность и жестокость, абсолютную аморальность, истинные размеры и глубину злодеяний нацистских палачей, крайнюю опасность фашизма и его возрождения для всего человечества. По мнению историков, политиков и юристов, не следует забывать также и тот факт, что с исторической точки зрения, особенно в плане успешного взаимодействия между государствами антигитлеровской коалиции, Нюрнбергский процесс «сохраняет значение как один из кульминационных моментов в сотрудничестве между Востоком и Западом после окончания Второй мировой войны»¹⁴⁶.

Оценивая историческую значимость процесса, важно помнить и то, что он является авторитетнейшим источником при рассмотрении разноплановых вопросов истории Второй мировой войны, поскольку в его ходе были найдены, оглашены и зафиксированы секретные документы нацистской Германии. Моральному осуждению была подвергнута вся тоталитарная система нацизма. Тем самым была создана морально-нравственная преграда для возрождения нацизма и фашизма в будущем. Процесс послужил моральной и правовой основой для массовой и всесторонней денацификации Германии.

Нюрнбергский процесс обнажил перед всем миром преступность гитлеровской оккупационной системы, включая и такую ее составную часть, как коллаборационизм. Он отмел все демагогические рассуждения, которыми прикрывались пособники гитлеровцев в разных странах, оправдывая свое сотрудничество с оккупантами, выявил и доказал, что коллаборационизм являлся не более чем разновидностью фашизма со всеми присущими ему чудовищными чертами. Причем это касалось не только войск СС, но и политических коллаборационистов. Коллаборационисты, совершавшие страшные преступления в годы Второй мировой войны ради установления «нового порядка» (равно и антидемократического, и антикоммунистического), во всех странах подверглись полному и решительному осуждению. Многие лидеры коллаборационизма (А-Ф. Петен, П. Лаваль, Ф. Дарлан во Франции, У. Джойс в Англии, В. Квислинг в Норвегии, А. Муссерт в Голландии, Й. Тисо в Словакии) понесли заслуженное наказание. С 1945 по 1955 г. в странах Западной Европы было проведено 13 607 национальных судебных процессов над коллаборационистами, 27 обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению, а 43 осуждены на смертную казнь¹⁴⁷.

В 1946 г. весь цивилизованный мир, только что избавившийся от «коричневой чумы», рукоплескал приговору Международного военного трибунала. Поэтому большую тревогу вызывают события последних лет, когда в ряде стран в той или иной форме происходит возрождение нацизма, идет процесс реабилитации и героизации бывших эсэсовцев. Оценивая эту угрожающую тенденцию, МИД России неоднократно официально заявлял, что попытки оправдать эсэсовцев воспринимаются россиянами не иначе как «позорный акт предательства по отношению к памяти миллионов мирных граждан, в том числе русских, украинцев, евреев, воинов Красной армии, погибших на оккупированных гитлеровцами территориях».

Возникает закономерный вопрос: как следует оценивать такие события в свете решений Нюрнбергского трибунала? Отвечая на этот вопрос, приведем отрывок из приговора МВТ, который все однозначно объясняет и расставляет по своим местам: «СС использовалась для целей, которые согласно Уставу являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершаемые при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь программы использования рабского труда, и жестокое обращение с военнопленными и их убийства»¹⁴⁸. Рассматривая вопрос об СС, МВТ относил сюда «всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов «общей СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС»¹⁴⁹. Сюда входят и национальные формирования СС. Трибунал не включил в этот список преступных формирований лишь так называемые кавалерийские соединения СС. А ведь известно, что национальные части и подразделения СС, в частности «латышского легиона»¹⁵⁰, дивизии «Галичина», не только участвовали в боях с Красной армией, но и использовались командованием СС для проведения массовых расстрелов, осуществления карательных операций против партизан и мирного населения на территории Прибалтики, Польши, Белоруссии, Украины и России, несения охранной службы в гетто и концентрационных лагерях¹⁵¹. В свете этого героизация бывших эсэсовцев идет не только вразрез с приговором Международного военного трибунала, но является открытым глумлением над памятью миллионов загубленных гитлеровцами жизней.

ООН однозначно осудила попытки пересмотреть приговор Нюрнбергского трибунала и оправдать военных преступников. От имени мировой общественности Комиссия ООН по правам человека 14 апреля 2005 г. приняла резолюцию «Расизм, расовая дискриминация, ксенофобия и все формы дискриминации», в которой осудила прославление бывших военнослужащих войск СС, и в частности открытие памятников и мемориалов, а также проведение публичных демонстраций бывших военнослужащих войск СС.

18 декабря 2007 г. уже Генеральной ассамблеей ООН была принята специальная резолюция, озаглавленная «Недопустимость определенных видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В преамбуле резолюции была сделана ссылка на Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека, а также на Устав Нюрнбергского трибунала и его приговор, который «объявил, в частности, организацию СС и все ее составные части, включая «Ваффен СС», преступными и признал их ответственными за многочисленные военные преступления и преступления против человечности». В резолюции была выражена «глубокая озабоченность по поводу прославления нацистского движения и бывших членов организации «Ваффен СС», в том числе путем открытия памятников и мемориалов, а также проведения публичных демонстраций в целях прославления нацистского прошлого, нацистского движения и неонацизма». Характерно, что страны Балтии и Украина воздержались при принятии этой резолюции, а США вообще проголосовали против.

С точки зрения юридической значимости Нюрнбергский и Токийский процессы явились важной вехой в развитии международного права. Они стали первым в истории опытом осуждения преступлений государственного масштаба, а именно преступлений правящего режима, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей. Нюрнбергские принципы, одобренные Генеральной ассамблеей ООН (резолюции от 11 декабря 1946 и 27 ноября 1947 г.), стали общепризнанными нормами международного права. Они

служат основанием для отказа выполнять преступный приказ и предупреждают об ответственности тех руководителей государств, которые готовы совершить преступления против мира и человечности.

Нюрнбергский и Токийский судебные процессы имели большое историческое значение. Они способствовали утверждению в сознании широкой мировой общественности и в международном праве идеи о том, что агрессивные войны в целях захвата территории других стран и порабощения их народов являются тягчайшим преступлением, а организаторы таких войн независимо от занимаемых ими высоких государственных и общественных постов должны квалифицироваться как уголовные преступники.

Борьба по вопросам послевоенного урегулирования

Несмотря на совместную заинтересованность в разгроме общего врага — фашистской Германии и милитаристской Японии, между ведущими странами антигитлеровской коалиции имелись и серьезные противоречия, прежде всего в отношении различных подходов СССР, США и Великобритании к обеспечению своей безопасности после войны. Наибольшие расхождения здесь существовали между Советским Союзом и его западными союзниками.

Советское руководство с учетом стратегических уроков предвоенного периода и самой войны исходило из необходимости максимального долговременного ослабления и обезвреживания главных противников — Германии и Японии, создания защитного пояса из дружественных просоветских государств вдоль западных границ СССР по их состоянию на 1941 г., возвращения территорий и прав, утраченных Россией на Дальнем Востоке в ходе Русско-японской войны и в последующие годы, обеспечения свободного выхода в Мировой океан, а также поддержания благоприятного баланса сил в Европе за счет недопущения возникновения враждебной коалиции держав, превосходящих по своей военной мощи Советский Союз. Эти запросы шли в русле традиционных геополитических интересов России и были нацелены на создание максимальной глубины обороны по всему периметру Советского государства. В Москве считали, что своим решающим вкладом в разгром фашизма и огромными жертвами в этой борьбе Советский Союз наряду с США и Великобританией завоевал право на признание своих законных интересов безопасности и равноправное участие в послевоенном урегулировании.

Соединенные Штаты Америки, сохранившие и преумножившие свой экономический потенциал и превратившиеся за годы войны в ведущую мировую державу, связывали послевоенный миропорядок с распространением американской модели рыночной экономики и своей лидирующей ролью в мировой политике как необходимого условия поддержания международной стабильности и предотвращения новой мировой войны. Военно-политическое руководство США видело гарантии своей послевоенной безопасности в поддержании военно-стратегического превосходства и сохранении глобального военного присутствия в ключевых регионах мира для подавления потенциального агрессора в любом из этих регионов. В соответствии с выкладками резко усилившей свое влияние в годы войны школы геополитики (Г. Маккиндер, Н. Спайкман)¹⁵² и с учетом опыта обеих мировых войн ключом к мировому балансу в Вашингтоне стало считаться сухопутное пространство Евразии, контроль над которым со стороны враждебного государства или коалиции государств представлялся недопустимой угрозой жизненным интересам Америки.

Правящие круги Великобритании, позиции которой в годы войны неуклонно ослабевали, стремились отстоять свой статус великой державы за счет сохранения Британской империи и ее союзников в Европе, а также путем укрепления «особых отношений» с Соединенными Штатами, несмотря на растущую конкуренцию с американцами в борьбе за источники сырья и рынки сбыта. Первостепенное значение при этом придавалось традиционным сферам

британского влияния — Средиземноморью, Ближнему и Среднему Востоку, соединявшим Великобританию с ее колониальными владениями.

Общим интересом США и Великобритании было сдерживание распространения советского влияния и леворадикальных идей на освобождаемых от фашизма и японского милитаризма территориях Европы и Азии, где на фоне развала экономики, краха старых элит и политического хаоса происходило усиление левых сил и национально-освободительных движений. В геополитическом плане англо-американцев объединяло стремление не допустить появления в Европе и Евразии в целом нового враждебного гегемона, способного бросить вызов Западу.

Основной географической зоной межсоюзных противоречий являлась Европа, от будущего устройства которой во многом зависел весь послевоенный миропорядок. Уже после Сталинградской битвы американские и английские аналитики стали задумываться над вопросом, как далеко на запад Европейского континента сможет продвинуться Красная армия и какую геополитическую цену англо-американцам придется заплатить Советскому Союзу за решающий вклад в разгром вермахта. «Не в наших и не в европейских интересах, чтобы Советский Союз взял на себя наведение порядка в Центральной Европе, — инструктировал А. Иден своего посла в Москве А. Керра в феврале 1943 г. — Но поскольку нам, видимо, придется с этим смириться, то крайне желательно заранее договориться с ним относительно общих принципов поведения в вопросах границ, состава и полномочий правительств Центральной и Восточной Европы, которые будут создаваться после ее освобождения от фашизма»¹⁵³. Поначалу в качестве основного варианта подобной договоренности в Форин-офисе и госдепартаменте рассматривалась идея создания под эгидой Запада восточно-европейских конфедераций (польско-чехословацкой, дунайской и других), которые, по замыслу ее авторов, должны были заполнить опасный «вакуум мощи» между Россией и Германией и стать средством сдерживания обеих. Эта идея активно продвигалась британской дипломатией на подходе к Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. и на самой этой конференции. Однако она встретила прохладное отношение со стороны Белого дома и явно отрицательное — со стороны советского руководства, не без основания усмотревшего в этом попытку возродить пресловутый «санитарный кордон» межвоенного периода. В инструкциях НКВД советскому послу в Лондоне (10 марта 1943 г.) идея восточноевропейской конфедерации называлась «безжизненной», «вредной и опасной»¹⁵⁴.

К началу 1944 г. уже было очевидно, что Красная армия освободит всю территорию СССР в границах 1941 г. «Факт состоит в том, — писал У. Черчилль А. Идену в январе 1944 г., — что русские могут очень скоро овладеть этими территориями, и абсолютно ясно, что нам нечего даже пытаться их оттуда вытеснить»¹⁵⁵. Таким образом, вопрос о западных границах СССР решался де-факто, хотя советско-польская граница еще не была согласована, а США и Великобритания официально так и не признали вхождения Прибалтийских республик в состав СССР. В результате грандиозного наступления советских войск летом 1944 г. стало ясно, что Советскому Союзу будет принадлежать главная роль в определении будущего устройства всей Восточной Европы, освобождаемой им от фашистских захватчиков. «Следует помнить, что на оккупированной территории они (русские) будут делать более или менее то, что захотят», — писал Ф. Рузвельт К. Хэллу в сентябре 1944 г.¹⁵⁶ Однако Великобритания и особенно США не были готовы предоставить полную свободу рук своему союзнику в советизации этих территорий как в силу внутрисполитических соображений (давление общественного мнения, восточноевропейского и прибалтийского лобби), так и по геополитическим мотивам — опасениям возникновения монолитного просоветского блока. Прагматичная британская дипломатия пошла по пути негласного раздела Европы на сферы влияния, стремясь сохранить преобладающее влияние в приоритетных для себя Греции и Восточном Средиземноморье в обмен на советское преобладание в Румынии, Болгарии и Венгрии. В программном меморандуме А. Идена о целях Англии на Балканах (июнь 1944 г.) главной задачей ставилось «укрепление наших позиций в Греции и Турции» при избежании «прямого вызова советскому влиянию в Югославии, Албании, Румынии и Болгарии»¹⁵⁷. Кульминацией этой линии стало

известное «процентное соглашение», предложенное У. Черчиллем И. В. Сталину в октябре 1944 г. США не были готовы к столь откровенному размену и надеялись, что советская сфера влияния ограничится внешней и военной политикой, оставаясь открытой для американских идей, капиталов и товаров.

Самым чувствительным был вопрос о будущих границах и правительстве Польши, в котором Москва сталкивалась с непримиримой враждебностью осевшего в Лондоне эмигрантского польского правительства. С момента разрыва отношений с ним в связи с «Катынским делом» весной 1943 г. дипломатия США и Англии прилагала активные усилия к примирению сторон, но эти попытки наталкивались с одной стороны на русофобское упрямство лондонских поляков, а с другой — на жесткие требования Москвы по признанию так называемой «линии Керзона» в качестве новой советско-польской границы и включению в состав будущего польского правительства своих ставленников. Ф. Рузвельт и У. Черчилль понимали обоснованность советских требований о существовании в Польше дружественного правительства в отношении СССР и сетовали на неразумное упорство лондонского правительства. «Без русской армии Польша была бы уничтожена или приведена в рабское состояние... — писал У. Черчилль А. Идену в начале 1944 г. — Они (лондонские поляки) дураки, если считают, что мы пойдем войной на Россию ради восточной границы Польши»¹⁵⁸. Но польский вопрос с этих пор стал одним из главных раздражителей в межсоюзных отношениях, дав новый импульс сторонникам жесткой линии в отношении СССР.

Пытаясь ограничить советское влияние в Восточной Европе, США и Англия стремились сохранить в своей орбите Западную Европу, освобождаемую от фашизма в основном их силами. Союзники свели к минимуму роль советских представителей в Союзном контрольном совете по Италии, сделали ставку на возрождение сильной Франции, поддерживали связи с франкистской Испанией и диктатурой А. ди Салазара в Португалии. Особую активность здесь проявляла Великобритания, заинтересованная в расширении своей опоры на Европейском континенте. К концу 1944 г. в лондонских правительственных кругах начали прорабатывать различные варианты «западного блока» — от системы коллективной безопасности до комплекса двухсторонних военно-политических соглашений с отдельными странами. «Хорошо организованная Западная Европа, — писал А. Иден У. Черчиллю о преимуществах такой системы, — может обеспечить нам глубину обороны и большие человеческие ресурсы, которые облегчат наше бремя и позволят избежать создания огромной постоянной армии, непосильной для нашей экономики»¹⁵⁹. Пока в качестве главного «цемента» такого блока рассматривалась угроза возрождения германской агрессии, хотя британские военные уже летом 1944 г. прогнозировали, что «более отдаленной, но и более опасной вероятностью» может стать враждебный Советский Союз, для сдерживания которого объединенных сил Великобритании, Франции и стран Бенилюкса будет явно недостаточно. Поэтому такое объединение, подчеркивали они, станет лишь «первым шагом к созданию более широкой системы, которая в случае появления враждебной России должна быть расширена за счет включения всей Германии или, по крайней мере, ее части»¹⁶⁰. Идеи создания подобного блока, но уже с участием США вынашивались и в американских военно-разведывательных кругах, что не было секретом для Кремля, имевшего надежных агентов в обеих западных столицах¹⁶¹. В тот период руководство госдепартамента и Форин-офиса осудило эту позицию как чреватую прямой конфронтацией с СССР, которой можно было избежать. А. Иден и его окружение надеялись совместить создание «западного блока» с сохранением советско-английского союза по договору 1942 г., иными словами, они рассчитывали на мирное сосуществование западноевропейской и советской стратегических орбит. Однако впоследствии «западный блок» в виде Брюссельского пакта 1948 г. был создан под британской эгидой, развернут против Советского Союза и стал предтечей НАТО.

Позиции союзников по ключевому для судьбы всей послевоенной Европы германскому вопросу также существенно расходились. СССР, естественно, был заинтересован в максимальном ослаблении Германии и предотвращении ее возрождения как мощной державы. США и Великобритания считали, что восстановление германской экономики необходимо

для экономического возрождения Европы, и были настроены на скорейшую реинтеграцию Германии в лоно западной цивилизации. Кроме того, в кругах американского и британского военного командования, как уже отмечалось, зрела идея использования ресурсов Германии против нового потенциального противника в лице СССР. Хотя на Ялтинской и Потсдамской конференциях союзники смогли согласовать общие принципы обращения с Германией, ключевые советские требования по сумме репараций и международному контролю над промышленным сердцем страны (Руром) были отклонены. Вскоре германский вопрос стал одним из главных факторов раскола Европы и развала антигитлеровской коалиции.

Советские интересы безопасности на Дальнем Востоке были учтены на Ялтинской конференции, когда союзники, заинтересованные во вступлении СССР в войну с Японией, согласились на передачу Советскому Союзу южной части Сахалина, Курильских островов, аренду Порт-Артура, а также обеспечение преимущественных прав СССР в порту Дальнем и в управлении Китайско-Восточной (КВЖД) и Южно-Маньчжурской (ЮМЖД) железными дорогами.

К концу войны политико-дипломатическая борьба по послевоенному устройству вступила в новую фазу. Ослабление сплачивающей общей угрозы и нужды в советской военной помощи, смерть Ф. Рузвельта, военные успехи союзников в Западной и Центральной Европе способствовали ужесточению англо-американской позиции в отношении СССР. Особенно активно действовали англичане, ощущавшие угрозу интересам Британской империи и понимавшие, что без помощи США им не удастся их защитить. Советский нажим на Турцию по совместной обороне Проливов и в территориальном вопросе, растущее влияние СССР в Иране, советская заявка на получение опеки над итальянскими колониями в Средиземноморье, поддержка Москвой югославских территориальных претензий к Италии — все это создавало в Лондоне ощущение, что Советский Союз (как впоследствии заметил преемник А. Идена Э. Бевин) начинает «тереться о края Британской империи»¹⁶². С апреля 1945 г. У. Черчилль и А. Иден начали подталкивать нового президента США Г. Трумэна к более жесткому отпору советским требованиям по польскому вопросу, отказу от вывода американских войск из отведенной Советскому Союзу зоны оккупации Германии в качестве козыря на предстоявших переговорах, недопущению усиления СССР в Средиземноморье. В самом госдепартаменте США поднимался вопрос о пересмотре Ялтинских соглашений по Дальнему Востоку. Эта попытка не удалась, и Г. Трумэн все же приказал отвести войска в пределы своей зоны в Германии. В ходе последнего визита Г. Гопкинса в Москву (июнь 1945 г.) было достигнуто принципиальное соглашение и по составу временного польского правительства, что проложило дорогу его признанию союзниками. Но по остальным вопросам расхождения внутри большой тройки по послевоенному урегулированию усиливались. Успешное испытание атомного оружия в США в середине июля еще более укрепило самоуверенность американцев и англичан.

В ходе подготовки к Потсдамской конференции оперативное управление штаба сухопутных сил США разработало доклад «Позиции США в отношении советских намерений экспансии», в котором СССР изображался главным источником военной угрозы. Основными направлениями «советской экспансии» в нем считались Турция и Средиземноморье, а в перспективе — и Западная Европа. Оценивая соотношение сил на Европейском континенте, военные планировщики приходили к выводу о том, что без помощи США «кучке маломощных стран», даже в сочетании с Великобританией, не справиться с «советской угрозой». На азиатском направлении, где СССР, как считалось, может легко захватить Монголию, Маньчжурию и Корею, предлагалось исключить советское присутствие в Японии и к югу от р. Янцзы в Китае, противодействовать Советскому Союзу в Иране. Объединенный комитет стратегического анализа комитета начальников штабов (КНШ) предупреждал об опасности участия СССР в международном контроле над Руром, которое «неизбежно и в нежелательной степени допустит Россию к участию в западноевропейских делах»¹⁶³.

Не удивительно, что при таком настрое и заготовленных позициях западные союзники сумели общими усилиями отклонить ключевые советские требования по Руру и объему репараций с Германии, заявки по Проливам и итальянским колониям. Советской дипломатии все

же удалось отстоять свои основные предложения по оккупационному режиму для Германии, ведущей роли СССР в подготовке мирных договоров с европейскими сателлитами Германии (за исключением Италии), а также по присоединению к СССР восточной части Пруссии с Кёнигсбергом. Были отвергнуты попытки союзников установить международный контроль над выборами в Румынии, Болгарии и Венгрии. В беседе с Г. И. Димитровым В. М. Молотов назвал эти Потсдамские решения фактическим «признанием Балкан как советской сферы влияния»¹⁶⁴, однако борьба по составу и признанию правительств Румынии и Болгарии Вашингтоном и Лондоном еще не была закончена.

Продолжалась и борьба за сферы влияния на Дальнем Востоке. Выполняя свое обязательство перед союзниками, 8 августа СССР вступил в войну с Японией, что значительно ускорило капитуляцию этой страны. Однако США, воспользовавшись советской помощью, взяли курс на то, чтобы свести к минимуму роль Советского Союза в оккупации и последующем развитии Японии. Вашингтон настоял на сохранении за собой единоличного командования силами союзников в Японии и отказал Москве в праве принятия капитуляции японских сил на острове Хоккайдо. Одновременно Г. Трумэн запросил право базирования ВВС США на одном из Курильских островов, получив жесткий отказ И. В. Сталина. Американская дипломатия активно поддерживала гоминьдановский режим в ходе советско-китайских переговоров летом 1945 г., пытаясь скорректировать в свою пользу ялтинские договоренности. В результате по Договору о дружбе и союзе, подписанному 14 августа 1945 г., преимущественные права СССР в управлении КВЖД и ЮМЖД, а также в порту Дальнем были существенно урезаны. Ограничивая советское влияние на Дальнем Востоке, США вместе с Великобританией продолжали оспаривать советское преобладание в Восточной Европе: отказывались признать правительства Болгарии и Румынии, поддерживали антисоветскую оппозицию в этих странах.

В такой напряженной обстановке первая сессия Совета министров иностранных дел (СМИД) союзников в Лондоне (сентябрь 1945 г.) окончилась провалом: натолкнувшись на жесткое сопротивление союзников по Балканам, Японии и итальянским колониям, И. В. Сталин предпочел пойти на срыв совещания, чем на уступки. Его особенно возмутил отказ союзников даже обсуждать советское предложение по контрольному механизму для Японии. Этот отказ он в телеграмме В. М. Молотову назвал «верхом наглости англичан и американцев», обвинив их в «отсутствии элементарного чувства уважения к своему союзнику»¹⁶⁵. Более результативно прошло московское совещание министров иностранных дел трех великих держав в декабре 1945 г. Советской дипломатии удалось добиться согласия союзников признать правительства Румынии и Болгарии в обмен на включение в их состав минимального числа представителей оппозиции. Американцы также согласились на создание Дальневосточной комиссии и Союзного совета в Японии, что давало Советскому Союзу хотя бы небольшое влияние на оккупационную политику в этой стране. В итоге ценой незначительных уступок обе стороны закрепили свое преобладание в сферах влияния.

Дальнейшая дипломатическая борьба по вопросам послевоенного урегулирования проходила в основном в рамках СМИД, вырабатывавшего условия мирных договоров с сателлитами Германии: Италией, Финляндией, Румынией, Венгрией и Болгарией. К концу 1946 г. после длительного и упорного торга были согласованы компромиссные репарационные и территориальные статьи этих договоров. Италия передавала Югославии часть Юлийской Крайны, полуостров Истрия и г. Фиуме (Триест получил статус «свободного города»), закреплялась передача Советскому Союзу Бессарабии и Буковины, подтверждалась советско-финляндская граница, установленная в марте 1940 г. Кроме того, по условиям мирного договора с Финляндией СССР получал в аренду стратегически важный район Порккала-Удд, а в собственности — район Печенги (Петсамо). В целом послевоенное мирное урегулирование закрепило территориальные приобретения и политическое преобладание СССР в Восточной Европе. «Мы отстояли свои принципиальные позиции и защитили свои интересы и интересы дружественных нам государств», — докладывал В. М. Молотов И. В. Сталину об итогах этих переговоров¹⁶⁶.

Вместе с тем важнейший вопрос послевоенного устройства Европы — германский — так и остался нерешенным, став впоследствии яблоком раздора между союзниками. Советские попытки распространить свое влияние на Проливы, Турцию и Северный Иран оказались безуспешными: в ходе турецкого и иранского кризисов 1946 г. правительства этих стран при активной поддержке США и Великобритании усилили свою прозападную ориентацию. Таким образом, советскому руководству удалось отстоять сердцевину своей геополитической программы послевоенного устройства — границы 1941 г., «защитный пояс» из просоветских государств на своих западных границах и укрепление позиций на Дальнем Востоке. Однако это было достигнуто ценой резкого обострения отношений со вчерашними союзниками. Борьба за послевоенное устройство мира стала прологом «холодной войны».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Израэлян В.* Антигитлеровская коалиция. М., 1964. С. 17.
- ² *Черчилль У.* Вторая мировая война. Том 3 / Пер. с англ. М., 1955. С. 366.
- ³ АВП. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 27–31. Такие шифрограммы в 1941 г. рассылались персонально следующим адресатам: Сталину (2 экз.), Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Берии, Жданову, Вышинскому, Деканозову, Лозовскому и Корнейчуку.
- ⁴ *Longer W., Gleason S.* The Undeclared War. 1940–1941. N. Y., 1953. P. 541.
- ⁵ Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2005. Кн. 3. С. 231.
- ⁶ Внешняя политика СССР. Сб. документов (июнь 1941 — сентябрь 1945). М., 1947. Т. 5. С. 6.
- ⁷ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне. М., 1947. С. 16.
- ⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1989. Т. 2. С. 3.
- ⁹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 163–167; Имелось в виду положение о «восстановлении суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого *насильственным путем*» (курсив наш. — *Прим. ред.*), включенное по предложению Черчилля (Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 3. С. 9–11).
- ¹⁰ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1945. Документы и материалы: в 2 т. М., 1983. Т. 1. 1941–1943. С. 82.
- ¹¹ Внешняя политика СССР. С. 20.
- ¹² Там же. С. 63–64.
- ¹³ *Erickson J., Dilks D.* Barbarossa. The Axis and the Allies. Edinburgh, 1994. P. 97.
- ¹⁴ *Израэлян В.* Указ. соч. С. 24.
- ¹⁵ *Bullock A.* The Life and Times of Ernest Bevin. Vol. 2. Minister of Labor 1940–1945. P. 137.
- ¹⁶ *Erickson J., Dilks D.* Barbarossa. The Axis and the Allies. P. 103.
- ¹⁷ *Израэлян В.* Указ. соч. С. 24–25.
- ¹⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 107.
- ¹⁹ The New York Times. 1941. June 24. P. 7.
- ²⁰ *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 14.
- ²¹ Подробнее см.: *Парсаданова В.* Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. М., 1982. С. 30 и далее. Первый польский батальон был сформирован в июле 1941 г. в Могилёве, где временно находилось правительство Белорусской ССР.
- ²² *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 383.
- ²³ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 11.
- ²⁴ *Израэлян В.* Указ. соч. С. 30–31.
- ²⁵ Английский разведчик и дипломат Б. Локкарт, приставленный к чехословацкому правительству, по этому поводу отметил: «Русские выиграли. Они подписали в полдень 18 июля. Меня попросили привезти Яна Масарика к Идену в 4 ч дня. Ян заехал за мной в 3 ч 45 мин., и под проливным дождем мы отправились в Министерство иностранных дел. Здесь мы были сразу приняты. Иден был один. Мы придвинули свои кресла поближе к его столу. Он улыбался и был в наилучшем расположении духа.

«Сегодня для Вас, Ян, день договоров, — сказал Иден. — Мне известно, что утром Вы уже подписали один. Вот здесь другой» (*Израэлян В. Указ. соч. С. 31–32*).

²⁶ Генерал Ш. де Голль, заместитель министра обороны потерпевшей поражение Франции, 17 июня 1940 г. обратился по лондонскому радио к французам с призывом к сопротивлению немецким захватчикам и возглавил движение «Свободная Франция».

²⁷ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. 1941–1943. С. 44.

²⁸ Там же. С. 50.

²⁹ Там же. С. 50–52.

³⁰ Подробнее см.: Организация Объединенных Наций. Сб. документов. М., 1981. С. 5–16.

³¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 47.

³² Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by W. F. Kimball. L., 1984. Vol. 1. P. 490.

³³ АВП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 232. Л. 30.

³⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 48.

³⁵ Там же. С. 50.

³⁶ Там же. С. 52.

³⁷ Levine A. British, American and Soviet Political Aims and Military Strategies 1941–1945: A Study in the Beginnings of the «Cold War». 1983. P. 772.

³⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 159.

³⁹ Liddel Hart. History of the Second World War. L., 1970. P. 488; Liddel Hart Centre for Military Archives. 9/31/46.

⁴⁰ Судоплатов П. Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 173–174; FRUS. 1943. Vol. 3. Washington, 1963. P. 683, 686, 695–697, 698–699.

⁴¹ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 247.

⁴² Erickson J., Dilks D. Barbarossa. The Axis and the Allies. P. 8.

⁴³ См.: Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence / Ed. with commentary by W. Kimball. Princeton, 1984. Vol. 3 Dok. С. 687. R. 560.

⁴⁴ История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1978. Т. 9. С. 472.

⁴⁵ См.: Winston S. Churchill by Martin Gilbert. L., 1984. P. 991–1083; Уткин А. Черчилль. М., 1997. С. 501.

⁴⁶ Черчилль У. Вторая мировая война / Сокр. пер. с англ. М., 1991. Кн. 3. Т. 5–6. С. 574.

⁴⁷ Public Record Office. Cab 120/691. 55911.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ The Guardian. 1998. Окт.; Правда. 1998. 15 октября.

⁵¹ Сталин И. Сочинения. М., 1997. Т. 16. С. 25.

⁵² Кимболл У. Ф. Семейный круг: послевоенный мир глазами Рузвельта // Вопросы истории. 1990. № 12. С. 5.

⁵³ Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. М., 2005. С. 24.

⁵⁴ Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 120.

⁵⁵ Всероссийская Книга Памяти. Обзорный том. С. 49.

⁵⁶ Независимое военное обозрение. 1997. № 36. С. 5.

⁵⁷ История военной мысли Отечества. М., 2005. С. 140.

⁵⁸ История военной стратегии России. М., 2000. С. 329.

⁵⁹ История военного искусства. Учебник. М., 1994. С. 358; Вторая мировая война. Итоги и уроки. С. 121.

⁶⁰ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 353, 547.

⁶¹ Цит. по: История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 12. С. 34.

- ⁶² Цит. по: *Жилин П. А., Якушевский А. С., Кульков Е. Н.* Критика основных концепций историографии Второй мировой войны. М., 1983. С. 111.
- ⁶³ Большая ложь о войне. М., 1971. С. 91.
- ⁶⁴ Там же. С. 93.
- ⁶⁵ Цит. по: *Еремеев Л. М.* Глазами друзей и врагов. М., 1966. С. 228.
- ⁶⁶ *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991. Кн. 2. С. 202.
- ⁶⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 140–146.
- ⁶⁸ Ленд-лиз — существовавшая во время Второй мировой войны система передачи Соединенными Штатами союзным странам займы (lend) или в аренду (lease) вооружений, военных и других необходимых для ведения войны материалов. Полное название закона о ленд-лизе — «Закон по обеспечению защиты Соединенных Штатов».
- ⁶⁹ *Харламов Н. М.* Трудная миссия. М., 1983. С. 71.
- ⁷⁰ Северные конвои 1941–1945 гг. М., 1993. Вып. 1. С. 15.
- ⁷¹ Всероссийская Книга Памяти. 1941–1945. Обзорный том. С. 216.
- ⁷² Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 209.
- ⁷³ *Зорин Л. И.* Особое задание. М., 1987. С. 101.
- ⁷⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1989. Т. 2. С. 31.
- ⁷⁵ Там же. С. 24.
- ⁷⁶ 1 длинная тонна равна 1016 кг, 1 короткая тонна — 907 кг.
- ⁷⁷ История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1980. Т. 11. С. 215–218.
- ⁷⁸ *Мединский В. Р.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 421.
- ⁷⁹ Красная звезда. 2006. 26 октября.
- ⁸⁰ Цит. по: *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 626.
- ⁸¹ *Stettinius E.* Lend-Lease: Weapon for Victory. N. Y., 1944. P. 228–229.
- ⁸² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Документы и материалы. М., 1984. Т. 2. С. 388–389.
- ⁸³ По мнению ряда историков США, поставки по ленд-лизу обеспечили от 7 до 11% промышленного производства в СССР, но убедительных аргументов, подтверждающих эти данные, они не приводят.
- ⁸⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 214.
- ⁸⁵ Северные конвои 1941–1945 гг. С. 5.
- ⁸⁶ *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз — оружие победы / Пер. с англ. М., 2000.
- ⁸⁷ *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 431.
- ⁸⁸ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 214.
- ⁸⁹ Северные конвои. Архангельск, 1991. С. 53.
- ⁹⁰ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 215.
- ⁹¹ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 9. Д. 555. Л. 66–67.
- ⁹² РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 18. Л. 16–31.
- ⁹³ См.: *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 430.
- ⁹⁴ Северные конвои 1941–1945 гг. С. 156.
- ⁹⁵ *Фролов М. И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии. СПб., 1944; *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 426, 428.
- ⁹⁷ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. Док. 251.
- ⁹⁸ *Jones J.* My Twenty One Billion Dollars. N. Y., 1959. P. 100.
- ⁹⁹ *Herring J.* Aid to Russia 1941–1946. Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., L., 1973. P. 293.
- ¹⁰⁰ *Studs T.* The Good War. An Oral History of World Two. N. Y., 1985. P. 34.
- ¹⁰¹ *Мединский В. Р.* Указ. соч. С. 421.
- ¹⁰² *Кузнецов Н. Г.* Курсом к победе. М., 1975. С. 236.
- ¹⁰³ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4. С. 217.
- ¹⁰⁴ АВП. Ф. 7. Оп. 1. П. 2. Д. 24. Л. 1–4.
- ¹⁰⁵ Документы и материалы по вопросам борьбы с военными преступниками и поджигателями войны. М., 1949. С. 146.

- ¹⁰⁶ Цит. по: *Лебедева Н. С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1975. С. 9.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Ответственность за военные преступления и преступления против человечества. Сб. документов. М., 1969. С. 12.
- ¹⁰⁹ См.: Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. М., 1943. Вып. 1. С. 9–32.
- ¹¹⁰ Правда. 1942. 15 октября.
- ¹¹¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. 1. М., 1978. С. 364.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ *Truman Harry S.* Memoirs. Vol. 1. Year of Decisions. N. Y., 1955. P. 284.
- ¹¹⁴ *Crossland J.* Churchill: execute Hitler without trial. Newly released government documents from 1942 reveal the war cabinet's debates // *The Sunday Times*. 2006. 1 January.
- ¹¹⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. М., 1984. С. 248.
- ¹¹⁶ Внешняя политика Советского Союза в Великой Отечественной войне. Т. 3. С. 341.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ См., например: *Полянский Н. Н.* Суд в Нюрнберге // Советское государство и право. 1946. № 1. С. 47; *Карпец И. И.* Преступления международного характера. М., 1979. С. 25–26; *Тункин Г. И.* Право и сила в международной системе. М., 1983. С. 79; *Звягинцев А. Г.* Прокурор Руденко // Российская газета — Неделя. 2007. 27 июля; *Ямшанов Б.* Зал № 600. Международный трибунал отменил срок давности за преступления фашизма. Интервью с заместителем Генерального прокурора РФ А. Звягинцевым // Российская газета. 2010. 22 ноября.
- ¹¹⁹ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1987. Т. 1. С. 146.
- ¹²⁰ *Картье Р.* Тайны войны. По материалам Нюрнбергского процесса / Пер. с фр. Мюнхен, 1948. С. 6.
- ¹²¹ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1997. Т. 7. С. 545.
- ¹²² Там же. Т. 1. С. 573.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Цит. по: *Полторак А. И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1965. С. 16.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Устав Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. С. 147–148.
- ¹²⁷ Отто Олендорф — один из руководителей карательной системы Германии, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции, с июня 1941 по июль 1942 г. — начальник айнзацгруппы «D» по уничтожению евреев и коммунистических деятелей преимущественно на территории Южной Украины.
- ¹²⁸ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 8. С. 631.
- ¹²⁹ Там же. Т. 1. С. 148.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же. Т. 8. С. 565.
- ¹³³ Там же. Т. 1. С. 152.
- ¹³⁴ Там же. Т. 8. С. 565.
- ¹³⁵ Там же. С. 334.
- ¹³⁶ Там же. С. 528.
- ¹³⁷ Там же. С. 531.
- ¹³⁸ Там же. С. 722–740.
- ¹³⁹ *Елков И.* Тайны Нюрнберга. Интервью заместителя Генерального прокурора Российской Федерации А. Г. Звягинцева Российской газете // Российская газета — Неделя. 2008. 26 июня.
- ¹⁴⁰ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 8. С. 335.
- ¹⁴¹ Там же. Т. 7. С. 673.
- ¹⁴² Там же. С. 545.
- ¹⁴³ *Неручева М.* Кто убил Рудольфа Гесса // Огонек. 2000. Май.

- ¹⁴⁴ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. С. 78–79.
- ¹⁴⁵ *Полторак А. И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1983. С. 8.
- ¹⁴⁶ Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма. М., 1995. С. 3.
- ¹⁴⁷ *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 814.
- ¹⁴⁸ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 8. С. 654.
- ¹⁴⁹ Там же.
- ¹⁵⁰ По приказу Г. Гимmlера от 24 марта 1943 г. понятие «латышский легион» стало использоваться в качестве коллективного обозначения для всех латышей, проходивших службу в латышских воинских формированиях, включая полицейские батальоны.
- ¹⁵¹ РГВА. Ф. 451. Оп. 6. Д. 96. Л. 221–222.
- ¹⁵² Г. Маккиндер — британский геополитик, Н. Спайкман — американский геополитик.
- ¹⁵³ А. Eden to А. Kripps. 4 February 1943 // National Archives, Public Records Office (далее — PRO). PREM 4/30/1. См. также: Post-War Settlement. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. 1943. 1 July // PRO. PREM 4/30/3.
- ¹⁵⁴ Очерки истории Министерства иностранных дел России: в 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 296.
- ¹⁵⁵ Prime Minister for Foreign Secretary. 1944. 16 January / PRO. PREM 3/399/6.
- ¹⁵⁶ Memorandum for the Secretary of State. September 29, 1944 / National Archives. Record Group 59. Records of H. Notter, 1939–1945.
- ¹⁵⁷ Soviet Policy in the Balkans. Memorandum by Secretary of State for Foreign Affairs. 4 June 1944 / PRO. CAB 66/51/4.
- ¹⁵⁸ Prime Minister for Foreign Secretary. 1944. 7 January / Churchill Archive Centre, Churchill Papers 20/179.
- ¹⁵⁹ Там же. 29 November / PRO. PREM 4/30/8.
- ¹⁶⁰ *Gorst A.* British Military Planning for Postwar Deence, 1943–1945 / Britain and the First Cold War. Ed. by А. Deighton. L., 1990. P. 96–97.
- ¹⁶¹ *Aldrich R.* The Hidden Hand. Britain, America and Cold War Secret Intelligence. L., 2001. P. 56–57.
- ¹⁶² Library of Congress, W. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 185.
- ¹⁶³ U. S. Position with Regard to General Soviet Intentions for Expansion (6 July 1945) / National Archives, Record Group 165, Exec, file 5, Item 21A; Ibid. Record Group 165, ABC 387 Germany. Sec. 4B.
- ¹⁶⁴ *Dimitrov G.* Diaries. Sofia, 1997. P. 492.
- ¹⁶⁵ *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. Советско-американские отношения в 1940 гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 371.
- ¹⁶⁶ Источник. 1999. № 3. С. 102.